

Харизма

Автор:

Джинн Райан

Харизма

Джинн Райан

Нерв

Эйслин всего шестнадцать, и казалось, впереди у нее – вся жизнь и все удовольствия юности. Однако, она патологически застенчива и любой разговор с незнакомым человеком для нее – пытка. Из-за этой особенности девушка, после недолгих колебаний, соглашается на тайное испытание нового препарата – «Харизма». Первое время после инъекции Эйслин счастлива, ведь от ее застенчивости не осталось и следа. И только спустя несколько недель она обнаруживает «побочные эффекты» и других подростков, также принявших «Харизму». Вот только радости в этих открытиях мало – все испытуемые могут умереть, и обратный отсчет уже начался...

Джинн Райан

Харизма

Jeanne Ryan

CHARISMA

All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form.

This edition published by arrangement with Dial Books for Young Readers, an imprint of Penguin Young Readers Group, a division of Penguin Random House LLC.

Серия «Нерв»

Copyright © 2015 by Jeanne Ryan

© М. Карманова, перевод на русский язык, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Райану и Лилии,

которые сияют так ярко.

Один

Я отлично умею плавать, но на собственном опыте знаю, каково это – тонуть. Примерно так. Паника сдавливает грудь, сердце яростно бьется, и ты изо всех сил борешься за возможность сделать хотя бы один вдох. Я сжимаю руки так, что ногти впиваются в ладони, я борюсь за глоток воздуха на этой совершенно сухой и скучнейшей сцене. На виду у жюри научного конкурса, незнакомых мне людей, съехавшихся со всего штата Вашингтон, моей семьи и Джека, которого тоже допустили до участия.

Доктор Лин, главный судья, преподаватель физики в моей школе, постукивает пальцем по стопке заметок, ожидая, что я буду убеждать его, что мой проект

важен для общества.

Хотя я боюсь, что волна безнадежности обрушится на меня и затопит мои легкие, я заставляю себя заговорить. «Ученые определили, ну, что многие гены связаны с разными нарушениями, так что...» Сердце колотится в груди как пулемет, пытаться говорить –дохлый номер.

Доктор Лин поднимает голову.

– Мисс Холлингс?

Он смотрит на мои дрожащие колени.

– Эйслин? С вами все в порядке?

Я киваю и собираю все свои силы, чтобы закончить ответ на вопрос. Но мое зрение туманится, и я с трудом делаю еще один вдох, отчего голова кружится еще сильнее. Все книжки советуют «принять» паническую атаку – как будто у меня вообще есть выбор – позволить ей охватить твоё сознание, а потом уйти. Но вот чего они не говорят – паника не течет, она сотрясает твоё тело как землетрясение, оставляет тебя совершенно потерянной, бьющейся на краю пропасти, готовой поглотить тебя.

Доктор Лин поднимает брови, ждёт невыносимо долго, а потом наклоняет микрофон к себе.

– Если бы вы могли исправлять генетические нарушения, где бы вы провели черту? Что, если кто-то потребует, чтобы ему убрали лысину или увеличили рост?

Он зачитывает это из манифеста тех ненормальных, которые устраивают протесты перед лабораториями «Nova Genetics», крича о том, что генная терапия – это «игра в Бога». Тех ненормальных, которые, если бы могли, лишили бы человечество жизненно важных лекарств.

Но хотя я знаю, насколько не правы любители протестовать против всего, это ничуть не помогает мне дать блестящий ответ. Мои слова хромают, как

бредущие куда-то беженцы.

– Безосновательное изменение генов не одобрено к разработке.

Я хлопаю глазами, глядя на зрителей. В первом ряду мама наклоняется вперед, вытянув шею, словно толкая воздух подбородком – как будто это может меня подстегнуть. Ее беспокойство о том, как оплатить мою учебу в колледже, в последнее время преследовало ее постоянно, а я надеялась прогнать его, завоевав сегодня крупный приз.

Доктор Лин вздыхает, глядя на жалкую ученицу, которая едва способна даже описать свой проект, не то что выиграть состязание, сколько бы наводящих вопросов он ни задавал.

Мне нужно сказать еще много всего, но я чувствую, что колени могут подвести в любой момент. Я опираюсь на стол, на котором стоит мой стенд. Большая ошибка. Стол наклоняется, и напечатанные на картоне схемы начинают шататься. Я отпрыгиваю, но слишком поздно, и стенд опрокидываются, а распечатки разлетаются по всей сцене, долетая до участника, сидящего за соседним столом. Это Джек. Долговязый, светловолосый, мило улыбающийся Джек.

Он собирает бумаги с пола и протягивает их мне, прошептав:

– Ты отлично справляешься.

Нет. Отличные выступления не сопровождаются вздохами и хихиканьем слушателей. Тот, кто отлично справляется, не рискует задохнуться на сцене.

Предательский румянец заливает мое лицо. Сотни пар глаз смотрят, смотрят, и, черт побери, только что мелькнула вспышка фотоаппарата? Я тереблю в руках бумаги, чувствуя, как горит шея. Каждая молекула моего тела кричит: «Беги!» Но я не побегу. Уже давно я убедила себя, что если я хоть раз позволю себе убежать от своих страхов, я никогда не смогу остановиться. Так что я стою на месте и терплю.

Доктор Лин записывает что-то в своем блокноте.

– Хотите что-то добавить?

Он так настойчив либо из-за того, что я учусь в школе, где он преподает, либо из садизма. Впрочем, никакой разницы.

Я судорожно вдыхаю и смотрю на маму. Она сжимает губы так, что они побелели. Наверное, она удивляется, почему я потратила на этот проект несчётные часы вместо того, чтобы заниматься чем-нибудь полезным – например, помогать ей ухаживать за моим братом, Сэмми.

Я глотаю воздух.

– Надеюсь, вам представится случай прочитать мой доклад.

Он удивленно моргает, будто не расслышал моих слов.

– Но мы бы хотели, чтобы вы сами нам рассказали.

Ага, я бы тоже хотела. Но все, на что я способна – безмолвно кивнуть.

Он говорит:

– Ладно, хорошо. Если вы так считаете.

Это звучит до отвращения угрожающе, но я не могу найти слов, чтобы убедить его в том, как важна моя тема, как генная терапия даровала зрение слепым и жизнь умирающим. Однажды удастся исправить мутации, вызывающие муковисцидоз. Это из-за него Сэмми каждый день чувствует себя так, будто задыхается. Каждый чертов день.

Вот что я должна была бы сказать. Но проще расщепить атом, чем заставить мои губы выговорить еще одно связанное предложение.

Доктор Лин переходит к проекту Джека. Я стараюсь не напрягать колени. Не убегай, не прячься, не падай духом. Предел моего успеха скатился до этой постыдно банальной мантры.

Стараясь не встречаться взглядом с мамой и Сэмми, я сосредотачиваюсь на докладе Джека, который он представляет в своем типичном стиле – уверенно и спокойно. Обычно я то и дело ловлю его взгляд – который он тут же отводит, заметив, что я смотрю на него. Днем, когда мы редактируем тексты для «Всякой мороси», он всегда пытается завязать разговор, а я из-за этого чувствую себя так же непредсказуемо, как сейчас. Он сдастся – это просто вопрос времени. Как приходилось сдаваться и другим парням, неважно, сколько комплиментов они изобретали, обычно следуя одному и тому же шаблону, сравнивая мои длинные светлые волосы с гривой единорога или прической скандинавской принцессы. Нет уж, я закончу предпоследний класс так же, как начала, в большей неприкосновенности, чем любая из этих принцесс, запертых в башне.

Наконец, судьи отпускают нас. Опустив голову, я иду к маме и Сэмми, который кашляет в платок, стараясь делать это потише. Моему брату десять, но он, как и большинство детей с муковисцидозом, выглядит моложе своих лет, из-за того, что его телу постоянно не хватает питательных веществ.

Слишком громким голосом – таким она обычно расхваливает дома покупателям – мама говорит:

– Больше ни у кого нет такого проработанного исследования, как у тебя. Вряд ли многие подростки знают, как секвенировать ДНК.

Я опускаю голову. Вряд ли многие подростки, знающие, как секвенировать ДНК, не могут связать двух слов, когда это так важно!

Мы стоим там, скрестив руки, переминаясь с ноги на ногу. Каждые двадцать секунд я смотрю на часы. Ожидание – всегда сложно; сегодняшних событий достаточно, чтобы у меня голова пошла кругом. Бесконечно тянутся минуты, и вот наконец финалистов вызывают на сцену. Я стою рядом с мамой и Сэмми, который снова кашляет. Доктор Лин объявляет, что проект Джека, посвященный восстановлению популяции лосося, получает первое место – и шанс побороться за еще более крупный приз в национальном состязании, которое пройдет этим летом. Каким-то чудом я удостоиваюсь почетного упоминания – но денежного приза не получаю.

Мама закрывает рот руками. Но через мгновение она уже снова выглядит невозмутимо и ободряюще хлопает меня по плечу. Сэмми начинает кашлять еще

сильнее, его лицо краснеет, и он с усилием хватает воздух. Мы с мамой к этому привыкли, а люди вокруг – нет, и они разглядывают нас и показывают на нас пальцами.

Мама хлопает Сэмми по спине. Я лихорадочно роюсь в ее сумочке в поисках платков. Мы втроем пробираемся к выходу, и нас провожают сочувственные взгляды. Какая-то женщина предлагает нам позвонить врачу, но мы уверяем ее, что в этом нет необходимости. На этот раз.

Снаружи, когда Сэмми наконец удается восстановить дыхание, он говорит:

– Простите за это представление.

Я стучаю по его кроссовку носком своего ботинка.

– Не извиняйся за это. К тому же, мое представление было круче твоего, приятель. У меня были декорации и сцена.

С этим он не спорит.

По дороге домой я пишу сообщение своей лучшей подруге, Эви, рассказывая ей об основных моментах своего фиаско, хотя знаю, что она не ответит, пока не закончится конкурс дебатов, в котором она участвует. Следующее сообщение я отправляю доктору Стернфилд, моей наставнице из «Nova Genetics». По крайней мере, работа, которую я сделала под ее руководством, зачтется мне при поступлении в колледж.

Когда мы заходим в дом, мама безжизненно улыбается – должно быть, это потребовало от нее сверхчеловеческих усилий – и говорит:

– Я знаю, что ты старалась изо всех сил.

Если бы только этих сил было больше. Я рассеянно потираю руки.

– Сегодня я помогу Сэмми с его лечением.

Хотя бы это я могу сделать.

Мы с Сэмми поднимаемся в его комнату, где я хлопаю его по спине и груди, чтобы встряхнуть ту пакость, которая чертовски усердно пытается разрушить его легкие. Обычно он ухитряется вставлять шутки в промежутках между ударами, но сегодня он молча скрючивается над своим альбомом. Я не пытаюсь завязать разговор. Было бы бессердечно жаловаться на проблемы с оплатой обучения в колледже человеку, живущему с осознанием факта, что его ожидаемая продолжительность жизни составляет тридцать с чем-то лет.

Когда я заканчиваю, Сэмми наполняет свой небулайзер несколькими лекарствами, которые он будет вдыхать следующие полчаса. Помощь ему больше не понадобится, но он любит компанию. Надев маску, через которую он вдыхает аэрозоль, Сэмми сидит на кровати с альбомом в руках, а я устраиваюсь в кресле рядом с ним.

Все вокруг нас, все стены его спальни на ту высоту, до которой он может достать, покрыты яркими изображениями драконов и других созданий, названия которых знает только Сэмми. Сейчас он добавляет штриховку и тени к карандашному рисунку башни Спейс-Нидл[1 - Футуристическая башня, одна из главных достопримечательностей Сиэтла.], которую атакуют роботы.

– Это и правда здорово, – говорю я.

Он втягивает воздух из маски.

– Много времени, чтобы практиковаться.

Ага, слишком много времени. И при этом, возможно, недостаточно.

Сорок минут спустя я собираюсь лечь спать. Я забираюсь под одеяла и пристраиваю ноутбук на коленях, мечтая о том, чтобы завтра пропустить школу. Но завтра – последний день учебного года, хотя на самом деле это всего полдня, и учиться вообще никто не будет.

Мой телефон пищит. Я принимаю приглашение в видео-чат, и экран заполняет неоновое-сверкающая улыбка Эви. Ее густые черные волосы собраны в узел на макушке, чтобы были видны филигранные золотые сережки, которые купила ей мама во время очередной поездки в Индонезию.

Она вся будто сверкает и искрится.

– Я победила!

Мы стучаемся кулаками через экран.

Ее лицо приобретает более серьезное выражение.

– Я перед тобой в долгу, ведь ты помогла мне подготовиться. Если бы только я могла так же помочь тебе с участием в научном состязании. Хит Робертс – скотина, раз он выложил то фото.

Мои внутренности сжимаются.

– Какое фото?

Еще до того, как Эви отвечает, я отодвигаю ее изображение в сторону, чтобы открыть страницу Хита. На фотографии видно, как я сбиваю свой стенд в финале научного конкурса. А под ней он написал: «Горячая? Да! Безнадежная? О, да!»

Да что он вообще там делал? Потом я вспоминаю, что его младший брат прошел в финал среди учеников средней школы. Отступившее было тошнотворное ощущение безнадежности снова поднимается у меня внутри.

– И все это видели?

Эми пренебрежительно машет рукой.

– А вчера все обсуждали задницу Шошанны. И, кстати, это кончилось тем, что ее несколько раз пригласили на свидание. А тебе то, что ты приняла участие в состязании, зачтется как экспозиционная терапия[2 - Экспозиционная терапия, или терапия подвергания – способ лечения фобий, при котором человек в контролируемой обстановке взаимодействует с тем, что вызывает у него страх.]. Это был смелый поступок, слышишь меня?

Спасибо урокам психологии, Эви настаивает, что экспозиционная терапия поможет мне преодолеть стеснительность. Честно говоря, не то чтобы я не пыталась сама справиться с этой проблемой. К настоящему моменту я перепробовала: лекарственные средства от тревожности (вызывают сердцебиение и все равно не помогают), гипноз (от него я просто засыпаю), упражнения на визуализацию (не могу сосредоточиться), диету, исключающую сахар (делает меня раздражительной) и, вот теперь, экспозиционную терапию, которая, как свидетельствует множество тестов, является самым эффективным способом лечения социальных фобий. Однако всегда остается некий процент людей, вроде меня, которые пытаются, пытаются снова, и терпят поражение. Эви настаивает, что это только вопрос времени. Но я знаю, что в каждой кривой нормального распределения есть свои выбросы.

Она демонстративно хлопает ресницами.

– Кстати, некий футболист, который может и был слабым звеном в команде на дебатах, но весьма приятен на вид, три раза спросил меня насчет завтрашней вечеринки у Дрю.

Мои внутренности сжимаются.

– Тебе стоит пойти с Эбби и Зоуи.

Она грозит мне пальцем.

– Ты уже месяц не бывала на вечеринках, а летние каникулы уже на носу. Лучшие друзья не позволяют своим лучшим друзьям совершить социальное самоубийство.

– Лучшие друзья не выталкивают друга за пределы комфорта после того, как он провалил дело, в котором все от него ожидали успеха.

– Ты достигаешь успеха не только в науке и в попытках помочь мне поддерживать мой прекрасный средний балл. Не будь типичной «девочкой-стесняшкой». Начиная с субботы ты будешь блондинкой-спасательницей. Помни об этом.

Я прерывисто выдыхаю. На свою летнюю работу я записалась в рамках экспозиционной терапии и при поддержке моего тренера по плаванию, и я тщательно старалась не думать о ней, хотя она начиналась послезавтра.

– Хватит с меня экспозиционной терапии.

– На сегодня. Посмотрим, смогу ли я заставить Хита удалить это фото.

Она выходит из сети.

Уф. Может, я успею до завтра сломать ногу? Или, может, я подвергнусь скоротечному приступу гриппа? Так от этой «терапии подвергания» будет хоть какой-то толк.

Предаваясь размышлениям о том, как уйти от реальности, ну то есть от того, чтобы быть мной, я откладываю ноутбук на стол и засыпаю, крепко скрестив руки на груди, как мумия. Но я просыпаюсь каждые пару часов. Как обычно. Каждый раз, просыпаясь, я слышу, как Сэмми кашляет и тяжело дышит. Как обычно.

Неожиданно меня поражает мысль, что для нас обоих жизнь – это бесконечная борьба за возможность просто дышать.

Массовые протесты

против глубинного генетического тестирования

Норман Ким, для блога «Здоровье Сиэтла»

Многочисленные митингующие вышли на улицы, чтобы выразить протест против совместного заявления, которое сделали «Ассоциация специалистов по репродуктивной медицине Сиэтла» и «Nova Genetics» (организация, которая занимается разработкой генной терапии). Они намереваются проанализировать

тысячи эмбрионов на предмет возможных дефектов. Доктор Маделина Олевски, директор упомянутой «Ассоциации», заявляет:

«Мы делаем все, что можем, чтобы наши клиенты могли воплотить в жизнь мечту о здоровом ребенке – вот прогресс, который мы приветствуем».

Но одновременно высказываются мнения, что генетическое тестирование свернуло на опасный путь. Нита Фартинг, президент объединения «Люди за равенство», возражает:

«Любого разумного человека перспектива неестественного отбора приведет в ужас. В обществе, где разделение между богатыми и бедными уже вызывает тревогу, наука, которая разделяет нас на уровне ДНК, разрушит американский идеал равенства, и на этот раз – навсегда. Мы сделаем все, что потребуется, чтобы отразить эту атаку на человечность. Создатели лекарств, которые изменяют человека как вид, должны быть готовы к отвечать за последствия своих действий».

Два

На следующий день я встречаюсь с Эви в школьной раздевалке – наши шкафчики расположены рядом. Со средней школы так и не появилось никого с фамилией, которая попала бы между «Хандодзё» и «Холлингс».

Бледно-золотистое платье с рисунком ручной работы выглядит огненно-ярким на фоне ее смуглой кожи, а ее волосы спускаются до талии – как и у меня, хотя у нее они темные, а у меня – светлые; они распущены свободно, если не считать усыпанной блестящими зелеными камушками маленькой заколки на макушке. Эви осматривает меня с ног до головы, разглядывая розовую футболку, серые штаны и выбранные в тон им балетки.

– Мило, но я бы на твоём месте оделась на последний учебный день чуток поярче. Чтобы запомниться, понимаешь?

– Днем у меня встреча с научным руководителем.

Она быстро моргает.

– Ох, нет-нет-нет, мы же все собираемся пойти в торговый центр пообедать.

– Извини. Мне нужно подвести итог нашей работе с доктором Стернфилд, если я хочу, чтобы это зачлось мне в колледже.

– Спроси ее на семейной встрече в воскресенье.

– Встреча – это, так сказать, для веселья. А тут речь о деловом вопросе, так что она настояла, что для этого нужен отдельный день.

Нашу семью ожидают на упомянутой Эви встрече, потому что Сэмми участвовал в качестве подопытного в клинических испытаниях, проводимых «Nova Genetics». Хотя лекарство ему не помогло, он, как и мы с мамой, стал частью «семьи» «Nova Genetics». Следовательно, мы должны были участвовать в невероятном количестве мероприятий, предназначенных, чтобы сплотить и поддержать нас. Там я и познакомилась с доктором Стернфилд.

Эви сдувает волосы со лба.

– Ладно, тогда я зайду к тебе завтра в восемь и мы отправимся на вечеринку к Дрю.

Ремешок сумки соскакивает с моего плеча.

– Возможно, мне нужно будет остаться с Сэмми, если у мамы будет встреча с клиентами.

– В субботу вечером? – она тыкает мне под ключицу своим недавно наманикюренным ногтем. – Не используй своего брата как оправдание. – Последняя вечеринка в одиннадцатом классе[3 - Предпоследний год обучения в американских школах.] – это реально важно. Твоя мама поймет. Она же тоже когда-то была студенткой, любившей повеселиться.

Любившей повеселиться студенткой, которая овдовела еще до того, как ее второй ребенок пошел в детский сад, и не имела никакой личной жизни с того времени. Я вешаю сумку обратно на плечо.

– Завтра моя первая смена в бассейне. Я буду совершенно вымотана после этого.

Эви медленно закатывает глаза, так, что ярко-белые белки сверкают между ее черной радужкой и темной пудрой, подчеркивающей нижнее веко. Seriously, если бы где-то проводили соревнования по закатыванию глаз, она бы получила там десять баллов из десяти.

Исчерпав запас оправданий, я тороплюсь на уроки – сегодня сокращенные – а в перерывах между ними я то и дело бросаю взгляд на русые волосы Джека. Но я стараюсь исчезнуть из виду, прежде чем он успеет высказать соболезнования по поводу событий вчерашнего вечера. Занятия заканчиваются в полдень, и через пять минут после звонка я уже выезжаю со стоянки в своей машине.

Дорога от нашей школы в северной Такоме до кампуса «Nova Genetics», который находится рядом с заливом Гиг-Харбор, занимает двадцать минут. Но из-за того, что путь пролегает через огромный висячий мост Такома-Нэрроуз, чьи туго натянутые тросы превращают его в огромную арфу, подвешенную над бурлящими внизу водами, поездка на полуостров Олимпия всегда воспринимается как путешествие в далекий город.

А сегодня он в осаде.

Мои внутренности сжимаются, когда я паркуюсь на стоянке для посетителей рядом с огороженной территорией. Десятки протестующих маршируют между стоянкой и охраняемым входом. Над ними раскачиваются плакаты с требованиями: «КРОИТЕ ДЖИНСЫ, А НЕ ГЕНЫ» и «ОСТАВЬТЕ ФРАНКЕНШТЕЙНА ФАНТАСТАМ».

Их невежество возмущает так сильно, что у меня сдавливает голову. Лучше бы они уделяли больше внимания хорошим новостям, например о детях, которым больше не приходится жить в стерильном пузыре.

Один из демонстрантов пронзительно смотрит на меня и хмурится, когда я подхожу к нему, крепко прижимая рюкзак к груди. Он скандирует: «Нет

оправдания мерзким созданиям! Нет оправдания мерзким созданиям!»

Все они размахивают кулаками и плакатами, глядя на меня так, будто я сама – мерзкое создание во плоти. Они не дают мне пройти к воротам, рядом с которыми, разговаривая по телефону, стоит охранник.

Нагнувшись, я пытаюсь пробраться между протестующими.

– Простите.

Женщина средних лет с прической, как у Клеопатры, рычит мне в лицо:

– Происходящему там нет никакого прощения!

Неправда, на самом деле нет никакого прощения тем, кто не использует все доступные средства, пытаясь спасти чью-то жизнь. Держу пари, вряд ли у нее и ее близких есть более серьезные отклонения, чем зашоренный ум.

Охранник поднимает руки и кричит:

– Если вы продолжите блокировать вход, я буду вынужден вызвать полицию!

Женщина и мужчина расступаются лишь на пару дюймов, не оставляя мне никакого шанса пробраться мимо.

– Простите, – снова пишу я, представляя в своих мечтах: вот если бы я могла как следует отчитать этих нарушителей или, еще лучше, отправить их плакаты туда куда им самое место.

Они кричат:

– Нет оправдания мерзким созданиям! Нет оправдания мерзким созданиям!

Я бросаюсь в сторону, в отчаянной попытке найти просвет в этой толпе, но они смыкаются в круг и отрезают мне путь. Не давать мне пройти – незаконно, верно? У меня в голове крутятся слова, которые я все равно не смогу произнести.

Может, доктор Стернфилд поймет, если я перенесу встречу на другой день?

Охранник дует в свисток, но это только распаляет демонстрантов. Теперь они кричат в сторону «ауди», которая въезжает на стоянку. Я рассчитываю проскочить между протестующими, когда ворота откроются, чтобы впустить машину.

Кто-то дергает меня за футболку. Я вскрикиваю.

Машина со скрежетом останавливается и охранники проталкиваются к нам. Наконец давление на меня ослабевает настолько, что я могу продвигаться вперед, но не задевать протестующих все равно невозможно.

– Ты выбираешь сторону зла, – шипит мне в ухо дама с прической Клеопатры. У нее изо рта пахнет луком.

Сжавшись, я отвоеваваю еще несколько дюймов. Дверь «ауди» открывается, и из нее выпрыгивает доктор Стернфилд, направляя камеру телефона на протестующих.

– Думаю, вам лучше оставить эту девочку в покое, прежде чем это видео окажется у полиции. Вы же знаете, каково наказание за нападение на несовершеннолетнего?

Толпа отшатывается назад. Доктор Стернфилд кивает охраннику и приглаживает рукой свои золотисто-каштановые волосы, уложенные в элегантный узел на ее аристократичной шее.

– Почему бы тебе не сесть в машину, Эйслин? – говорит она.

Я торопливо забираюсь внутрь, и доктор Стернфилд подъезжает к своему парковочному месту рядом с главным входом. Мои ноги отчаянно дрожат. Не сразу мне удастся заставить себя заговорить, чтобы поблагодарить ее.

Она лишь отмахивается.

– Смена парадигмы всегда вызывает страх. Вспомни, как люди протестовали против гражданских прав и юбок выше колена. А ты знаешь, что когда-то и мытье рук было под запретом?

После того, как я протискивалась между протестующих, мне хочется вымыть все тело. Почему я не смогла защититься от этих ужасных людей, не смогла заставить их держаться на расстоянии? У моего смартфона тоже отличная камера, так что и я могла бы им угрожать. Но у меня для этого кишка тонка.

Мы входим в зал со стеклянными стенами, которые опираются на деревянные балки. Здание выглядит грациозным, но это впечатление обманчиво. Под землей во все стороны расползаются скопления лабораторий и переходов, связывающих все надземные постройки.

В главном зале возвышается керамическая скульптура высотой с двухэтажный дом. Она изображает двойную спираль и выглядит как насмешка над божеством землетрясений. Группы людей обходят ее и растекаются по разветвляющимся коридорам. Двое высоких мускулистых мужчин, широко шагая, скрываются в северном коридоре. Следом за ними едет женщина в инвалидной коляске, с трубками для подачи кислорода в носу. «Nova Genetics» изучит ее гены так же тщательно, как и «образцовые» гены спортсменов, шедших перед ней.

Доктор Стернфилд ненадолго останавливается, чтобы поздороваться с Ксавьером Дионисио – это студент, один из ее интернов. Он азиат, прическа у него как у банкира, а торс и плечи – как у тяжелоатлета.

Доктор Стернфилд спрашивает:

– Как дела с генетическими последовательностями танцора?

Голос Ксавьера звучит мягко и чисто, как никогда раньше.

– Я выявил несколько интересных аллелей.

На слове «интересных» его густые брови поднимаются. Может, он открыл мутацию, которая объясняет разницу между балериной, которая обречена стать звездой, и другой, которая навсегда останется в кордебалете.

– Великолепно. Я посмотрю, как только мы закончим с Эйслин.

Следом за доктором Стернфилд я прохожу в дверь, которую нужно открывать отпечатком большого пальца. Мы оказываемся в угловом офисе, где я сажусь на свое обычное место за столом напротив нее и достаю папку с материалами. Весь этот учебный год я была в числе ее подопечных, а до того я не раз видела ее на разных мероприятиях в «Nova Genetics», так что сейчас, разговаривая с ней, я чувствую себя намного спокойнее, чем общаясь с большинством взрослых, и уж точно в сто раз спокойнее, чем рядом с доктором Лином, тогда, на сцене.

Она кладет руки на стол.

– Твой проект обязан был победить в научном конкурсе.

Я потираю мозоль на пальце.

– Ага, но я ведь явно не лучший докладчик.

Это настолько сдержанная характеристика, что она граничит с иронией.

Доктор Стернфилд кивает.

– Можно сделать лучшее исследование или работать упорнее всех – но иногда этого недостаточно, не так ли?

Я толкаю к ней лежащий на столе бланк.

– По крайней мере, мне это зачтется для колледжа.

Она смотрит на этот лист бумаги.

– Твоей семье в последнее время приходится заполнять так много бланков. Группа, которая ведет исследования AV719, хочет получить мою рекомендацию насчет того, целесообразно ли включить в нее Сэмми.

Мой пульс резко ускоряется. AV719 – это экспериментальная методика лечения, нацеленная как раз на ту мутацию, которая вызвала муковисцидоз у Сэмми. По поводу предварительных результатов некоторые уже высказывались, используя слово на букву Ч, а чудо – это как раз то, что нужно моему брату, и раньше, чем его легкие станут работать еще хуже.

Стиснув ладони, я говорю:

– Вы не найдете ребенка, который заслуживает этого больше, чем Сэмми. А мы позаботимся о том, что он будет следовать протоколу лечения до последней буквы.

– Конечно, позаботитесь. Проблема только в том, что мест в программе намного меньше, чем желающих. А он уже участвовал в тестировании NSB-12. Но ты знаешь, как высоко я ценю всю вашу семью.

Все еще ценит, даже после вчерашнего вечера?

– Вы не пожалеете, если поддержите его.

– Но я ведь только оцениваю, насколько он подходит. Окончательный выбор все равно случаен.

Я никогда не списывала в школе, но я не могу перестать думать о том, как бы обмануть случайный отбор пациентов для клинических испытаний.
Теоретически.

Доктор Стернфилд просматривает мои бумаги, но не берет ручку, чтобы подписать их. Она не может отказаться зачесть мне эту работу из-за того, что я завалила финал научного конкурса. Или может?

По-прежнему ничего не подписывая, она передвигает свой компьютер так, что он оказывается между нами. Неторопливо она открывает несколько файлов, среди которых я узнаю изображения образцов ДНК, с которыми я работала. Хромосомы, которые я с ее помощью научилась различать под микроскопом. Хромосомы из образца крови, который она взяла у меня в первый день работы над проектом.

Она открывает одну картинку за другой и очерчивает курсором отдельные последовательности.

– Помнишь этот ген? Отчасти именно из-за него у тебя такие потрясающие светлые волосы. А без этого твои глаза не были бы такими серебристо-серыми.

Я киваю. Может, снова просмотреть все это нужно, чтобы поставить зачет для колледжа. Пустая трата времени, но если нужно – что ж. Она продолжает, указывает то на один признак, то на другой, пока я вжимаю пальцы ног в восточный ковер. А потом она открывает одновременно десяток иллюстраций. Некоторые гены я узнаю, но большинство – нет. Она выделяет небольшой участок на каждом слайде и поворачивается ко мне, подняв брови.

– Это комбинация аллелей, которая в итоге складывается в фенотип. Можешь предположить, что это?

Проверка? Серьезно? Я пытаюсь шевелить мозгами, но не могу вспомнить ничего ни об этой комбинации, ни даже о ее компонентах. Черт, я и здесь все завалила. Запинаясь, я произношу:

– Я н-н-не знаю.

Она наклоняется ко мне.

– Коммуникабельность.

Я смотрю на нее, прищурившись.

– Но разве на нее не влияют тысячи генов? И окружающая среда?

– Да, но я думаю, что эта комбинация – ключевая. Измени их соответствующим образом – и «фактор Q» у этого человека взлетит до небес. Ты знаешь, что это значит?

Спасибо Эви, я имела кое-какое представление.

– Показатель, который используют, чтобы измерить известность публичной персоны и ее способность нравиться людям, верно?

– Хорошая девочка.

Только теперь до меня доходит суть того, что она сказала.

– Ух ты. Если вы разработали терапию, которая повышает этот фактор, люди в очередь за ней выстроятся.

Ее глаза блестят.

– О да, непременно.

Я киваю в сторону главных ворот.

– А этих людей снаружи вы будете бесить еще сильнее.

Она кривится.

– И снова да.

Я прикусываю губу.

– Исследователи, которых я читала, пишут, что привязать гены к индивидуальным чертам характера слишком сложно. Они могут объяснить лишь малую часть нашего поведения.

Она рассматривает картинки и медленно проводит мизинцем вдоль фрагмента генетического кода, который, похоже, читается как С-А-Т.

– Большинство людей просто ищут не там. Я проделала предварительную работу, из которой следует, что это вполне возможно.

– Правда? Вы никогда этого не упоминали.

Она складывает руки домиком.

– А как ты думаешь, почему?

На ответ мне хватает наносекунды.

– Потому что это до невозможности противоречиво. И вам все равно не разрешат зайти дальше опытов на животных.

Она нажимает пальцем на воображаемую кнопку, висящую в воздухе.

– Бинго.

Я смотрю в окно ее кабинета, на пасмурный июньский день. На роскошном газоне я замечаю что-то коричневое и смятое. Это птица, которая врезалась в совершенно чистое и прозрачное оконное стекло. Жаль, что генная терапия не может воскрешать мертвых.

Я быстро отвожу взгляд.

– Хм, не хочу вас обидеть, но если вы работаете на таком продвинутом уровне, почему бы не сконцентрироваться на болезнях?

– А кто сказал, что я ими не занимаюсь? Но над этим работают и тысячи других исследователей.

Глаза доктора Стернфилд горят, несмотря на то, что в остальном она держится холодно.

– Однако я знаю на собственном опыте, как социофобия может уродовать жизнь. И ты тоже знаешь.

Я нервно глотаю слюну.

– Потому вы и поделились этим со мной?

Она опускает руки на стол и глубоко вздыхает.

– Эйслин, я хочу, чтобы ты знала, что надежда есть.

Надежда. Я снова кошусь на компьютер.

– Вы думаете, что однажды вы действительно сможете что-то сделать со стеснительностью? Скорректировав гены?

Она заговорщически улыбается.

– Действительно сможем. Но на сегодняшний момент пусть это останется между нами, ладно? Официально мы здесь занимаемся только болезнями, в особенности под руководством доктора Гордона.

Доктор Гордон – ее папа и президент «Nova Genetics».

– Разумеется.

Она берет ручку и подписывает мои документы.

– Увидимся на семейной встрече в воскресенье?

– Конечно.

Я получила то, за чем пришла, и даже немного больше. Но я не могу удержаться и снова смотрю на маленькую кучку коричневых перьев на траве, а потом выхожу из офиса доктора Стернфилд.

Чувствуя себя посвященной в тайну, я прохожу мимо гигантской спирали и выхожу на улицу. Погода стала еще более пасмурной. К счастью, угроза дождя распугала протестующих.

Когда я еду назад в Такому, мои мысли уносятся прочь, растворяясь в повисшем над шоссе тумане. Представьте себе только, какой была бы жизнь, если бы доктору Стернфилд разрешили развивать ее исследование. Я представляю себя

рядом с Джеком, вот мы лицом к лицу, и я не краснею.

Мой телефон вибрирует, и я словно деревенею. Хотя в автошколе нас никогда не заставляли смотреть кровавые видео о том, что будет, если писать сообщения за рулем, я не отвечаю. Я знаю, кто это. Я знаю, чего она хочет. Я скажу ей, что завтра вечером мне все-таки придется остаться дома.

Когда телефон вибрирует еще несколько раз, я вытираю пот со лба. Эви не сдастся так легко. Если бы исследование доктора Стернфилд было уже закончено! Если я пойду на вечеринку Дрю, она будет точной копией прошлой, на которую Эви вытащила меня, когда все остальные знают, что делать и что говорить, а я стою в стороне, сжимая в руках пластиковый стаканчик с чем-то, что должно было помочь мне расслабиться.

Я веду машину, мечтая о том, чтобы разделаться с собственной стеснительностью. Я должна суметь победить природу силой разума преодолеть ограничения, которые навязывает моя ДНК. Люди меняются. А потом они пишут об этом книги. Почему же я не могу?

Паркуясь перед нашим огороженным двором на типичной слякотной улице Такомы, я вздыхаю. Так, как я вздыхаю всегда, добравшись до моего укрытия, где я прячусь от большого, злого мира. До моего убежища.

Которое останется безопасным пристанищем только до завтрашнего дня, когда начнется моя новая работа.

Из внутренней переписки

«Nova Genetics»

От: Доктор Шарлотта Стернфилд,

ведущий исследователь

Кому: Сесилия Франк,

руководитель службы безопасности

Исполнять немедленно. Пожалуйста, ограничьте список лиц, которым разрешен доступ в лабораторию 6 на этаже В2, исключительно моей персоной. Запрет касается и лиц, ответственных за уборку, и обслуживающего персонала. При необходимости я буду договариваться с соответствующими отделениями, чтобы эти лица посещали лабораторию в моем присутствии.

Три

На следующее утро я мечтаю лишь о том, чтобы остаться лежать в кровати, прячась от всего. Но мне нужно зарабатывать деньги. Теперь это еще важнее, чем раньше. К тому же, Эви говорит, что работа спасателем совсем не вписывается в стереотип о типичной работе застенчивой девочки, вроде систематизации документов или ввода данных в компьютер, а значит, это открывает новые возможности для экспозиционной терапии. Много-много возможностей.

И именно от этого меня подташнивает.

Сэмми колотит в мою дверь:

– Эйслин!

Я бросаюсь к выходу, напуганная его резким криком.

– У тебя все нормально?

– Мама сказала разбудить тебя, а то ты опоздаешь и тебя уволят.

Ага, все в курсе, что перспективы оплатить колледж у меня довольно мрачные. Двигаясь тяжело и медленно, я одеваюсь. Снаружи, похоже, намечается теплый

день, что означает, что по случаю открытия бассейна соберется толпа. Великолепно. Пока я веду машину, мое тело начинает дрожать тем сильнее, чем ближе я подъезжаю. В этот момент работа на складе или в пещере кажется мне куда привлекательнее.

Джени Симпсон, администратор бассейна, встречает меня у входа и вручает мне положенный по должности свисток.

– Вспомни, чему тебя учили. И не бойся им воспользоваться.

Что, нет времени на разогрев? Впрочем, это все равно бы не помогло. Я запикиваю свои вещи в шкафчик и вместе с Джени выхожу к своему посту. По крайней мере, эта смена будет короткой, потому что уроки плавания начнутся только в понедельник.

Я забираюсь на сиденье, которое при взгляде с земли вовсе не казалось высоким. Допустим, я смогу с этим справиться – следить за всеми пловцами и дуть в свисток, если замечу, что что-то не так. Намного проще, чем секвенировать ДНК.

Через несколько минут я замечаю, как Эшер Джонсон и его приятель Зик дурачатся, забираясь на водную горку. Они оба насмеются над Сэмми из-за того, что он самый низкорослый в классе. Стиснув зубы, я наблюдаю за ними. Эшер подпрыгивает, забравшись на верхушку водяной горки, глядит на меня, и я замечаю на его лице проблеск ухмылки.

Я нервно глотаю слюну. Приятели Эшера на боковых дорожках явно засекли, как мы обмениваемся взглядами. Дрожащей рукой я подношу свисток к губам, просто на всякий случай. Эшер переносит вес на перила и болтает ногами в воздухе в дюйме над светло-желтой горкой. Вверх-вниз, пристально глядя на меня. Он не делает ничего, что дало бы мне повод дунуть в свисток, но у него явно какая-то пакость на уме.

Затем, в одно мгновение, он плюхается животом на горку и несется вниз лицом вперед. Дети вокруг безумно скачут от восторга. Я собираюсь с духом, чтобы заставить воздух проделать путь из моих легких до губ.

– Уиииии.

Громогласно визжит другой свисток, и Джени Симпсон кричит:

– Первое предупреждение!

Но она смотрит на меня, а не на Эшера, и привлекает ко мне внимание всех посетителей бассейна. Ой. Мое лицо заливает краска. Я моргаю, пытаюсь смотреть на кого угодно, кроме Джени, пока она идет ко мне.

Джени останавливается у моего наблюдательного пункта.

– Я знаю, что ты заметила его, Эйслин.

Я киваю.

– Как только он стал спускаться, я засвистела.

– Почти. Слушай, я уверена, что ты поплывешь быстрее молнии, если кто-то начнет тонуть, но ты должна подавать сигнал, если видишь потенциальную проблему. Ты – первая линия обороны.

– Я знаю. Извините.

Мне нужно сделать татуировку на лбу с надписью «Извините».

Она глубоко и протяжно вздыхает, а затем поднимает взгляд к небесам.

– Как бы тебя ни расхваливал твой тренер по плаванию, я не оставлю тебя работать здесь, если не смогу полностью на тебя положиться.

– В следующий раз я буду свистеть громче.

Демонстративно вздохнув, она возвращается в раздевалку. Чёрт. Мое сердце колотится как бешеное. Прикусив губу, я осматриваю бассейн. Все по-прежнему прячтся на меня.

Сиденье скрипит подо мной, пока я пытаюсь вытерпеть остаток своей смены, а мои внутренности все сильнее сжимаются, будто завязываясь в узел от страха, что кто-то поскользнется у бортика и заработает перелом. Каким-то образом стрелка часов все-таки достигает полудня, и я получаю пятиминутный перерыв, после которого мне нужно заняться обслуживанием бассейна – на самом деле это такой эвфемизм для уборки мусора.

Вместо того чтобы выпить содовой с остальными сотрудниками, я забиваюсь в самый безлюдный угол в глубокой части бассейна. Меня накрывает волна холодной воды, она холодит голову, так что я сразу чувствую себя чистой. На минуту я погружаюсь под воду, и мой мир наполняется ощущением почти полного покоя. На какой-то момент меня оставляет ощущение, что я тону, преследующее меня на суше. Когда я осторожно выдыхаю, пузырьки поднимаются мимо моего лица, а уши заполняет белый шум. Все в моем поле зрения приобретает приглушенные, мягкие очертания, безопасные, как вата. Я понимаю, почему моего отца так влекло к воде, пусть даже эта страсть завела его слишком далеко.

Я всплываю, только когда мне нужно вдохнуть воздуха, и тут же возвращаюсь в свой подводный кокон. Мои пять минут истекают слишком быстро, и я снова выбираюсь в переменчивый мир.

Станным образом обнаруживается, что собирать мусор и запихивать его в пакеты – облегчение после дежурства на наблюдательном пункте. Своего рода дзен. Пакуя мусор, я проникаюсь ритмом.

На краю бортика Хит, тот парень, который выложил отвратительную фотографию моего выступления на научном конкурсе, напыщенно проходит мимо вместе с еще одним спасателем. Словно делая одолжение, они окидывают меня неспешным оценивающим взглядом, который заставляет меня покраснеть и сосредоточиться на мусорном мешке. Каким-то образом мне удастся устоять перед искушением бросить все и нырнуть обратно в бассейн.

Проходя мимо, Хит говорит:

– Ах, выглядит-то она неплохо, но она немая или что-то вроде того.

Другой парень вздыхает:

– Какая досада.

Они смеются, а я изо всех сил пытаюсь сжаться, мечтая сократить свои сто семьдесят сантиметров роста хоть на пару десятков сантиметров. Наверняка можно придумать отличный ответ, но даже если бы мне что-то пришло в голову, в итоге эти слова просто пришлось бы отправить в папку к тысяче других удачных ответов, которыми я никогда не воспользовалась.

Я заканчиваю со сбором мусора, моюсь, а потом меня учат работать на кассе в нашем буфете. К счастью, я оказываюсь в паре с разговорчивой девушкой по имени Алиса, которая болтает с покупателями, пока я выдаю им мороженое и картофель-фри.

В два часа дня мой рабочий день заканчивается. Хотя он был короче, чем смены, которые ждут меня на следующей неделе, необходимость находиться среди такого количества людей отняло у меня все силы до последней капли. Но на отдых нет времени. Когда я тащусь к стоянке, телефон вибрирует, и я читаю очередное сообщение от Эви.

СЭММИ НЕ ОПРАВДАНИЕ. УВИДИМСЯ В 8.

Вот отстой. Она не уймется, пока я не смирюсь. Признав свое поражение, я паркуюсь во дворе. Может, в доме у Дрю я найду, где спрятаться. Если бы только у него был бассейн.

Дома Сэмми оценивающе смотрит на меня и говорит, глядя на меня слишком-мудрыми-для-его-возраста глазами, дребезжаще кашляет и говорит:

– Паршивый денек?

Я напоминаю себе, что по-настоящему паршиво принимать двенадцать таблеток от муковисцидоза в день и жить с угрозой, что еще до окончания школы тебе потребуется трансплантация легких. Я отвечаю:

– Просто привыкаю к новой работе.

Если бы только я могла рассказать ему о том, что у него есть шанс попасть в число кандидатов на AV719. Но я еще не хочу давать ему надежду. Когда надежда – самый ценный ресурс, который у тебя есть, привыкаешь обращаться с ней с осторожностью.

И страхом.

Эви заезжает за мной в восемь вечера. Она выглядит свежо в своем неоновом зеленом платье и с лентой того же цвета в волосах. Когда мы садимся в ее машину, она говорит:

– Если ты просто расслабишься, вечеринка будет просто супервеселой. К тому же, потом тебе не нужно садиться за руль.

– Может быть, мне придется сесть за руль. Если мы поедem в отдельных машинах, тогда...

Она газует, разгоняя двигатель.

– Это не экологично. Если захочешь уйти раньше, используй кодовое слово.

На двух других вечеринках, на которые она вытащила меня в этом году и за которые также начислила мне очки в экспозиционной терапии, я не воспользовалась спасительным кодовым словом, поскольку считала это бегством, и Эви это знала.

Она дергает свои ожерелья.

– На самом деле мне нужно чаще заставлять тебя выходить в люди. Чтобы терапия действовала.

– А что, если все, чему ты подвергаешь меня, вредит мне?

Я щелкаю резинкой, которую ношу на запястье.

Она тут же резко вытягивает руку, чтобы выхватить ее у меня.

– Сколько раз тебе нужно повторять? Если у тебя волосы, как у Рапунцель, пусть все это видят! И если у тебя невероятно стройное тело – тоже! А эта рубашка на тебе мешком сидит.

Я скрещиваю руки.

– Мне в ней спокойнее. Сделай тут для меня послабление, ладно?

Она вздыхает.

– Эйс, если ты правда, на самом деле считаешь, что ты против, я развернусь и отвезу тебя домой. Но я правда, на самом деле надеюсь, что ты справишься с этой своей проблемой страха-перед-миром.

– Проблемой? Не то чтобы я не пыталась. Уж кто-кто, а ты должна бы...

– Я просто не хочу, чтобы ты сдавалась. Никогда.

Она права. Как я смогу однажды успешно защищать интересы таких детей, как Сэмми, если я не выношу разговоров с другими людьми? Мне просто нужно не распускать сопли.

Если бы только от моей решимости я не дрожала до самых костей.

– Давай не будем задерживаться там надолго, ладно?

– Так будет по-честному.

Нет, это не честно, что такая простая вещь, как поход на вечеринку, заставляет мой желудок сжиматься так сильно, что я пропустила ужин, но все равно чувствую себя так, будто меня вот-вот стошнит.

Тяжелые басы играющей в машине музыки звучат как похоронный марш. Я скрещиваю ноги, а потом меняю их местами, надеясь, что это подействует на

какие-нибудь акупунктурные точки и поможет мне успокоить нервы. Не помогает.

Мы паркуемся в квартале от дома Дрю и натываемся на кучку парней, которые смеются и кричат в сотне футов от его двора. Кому-то, похоже, пришлось подкупать соседей, чтобы они это стерпели. Чем ближе мы подходим к пункту назначения, тем сильнее я дрожу изнутри.

Эви втаскивает меня за руку во входную дверь, мимоходом здороваясь с ребятами, которые толпятся у входа, оценивая всех прибывающих. Она игнорирует их одобрителные кивки и рассекает толпу, пробивая нам путь на кухню меньше чем за минуту.

Прежде чем я успеваю возразить, она берет красный одноразовый стакан, наполняет его до краев из бочонка и протягивает мне.

– Знаю, что полагаться на алкоголь – тупо, но отчаянные времена требуют отчаянных мер. Так что пей залпом.

Наверное, так и становятся алкоголиками. Пытаюсь уйти от себя.

Я жадно отпиваю половину стакана.

– Потакатель.

Это научит ее не заливать мне в уши постоянно эту ее психологию.

– Разве что тому, чтобы ты хорошо провела время.

Она снова доликает мой стакан доверху и берет себе содовую.

– А теперь пошли тусоваться.

Можно ли найти в словаре два слова, более ужасающие, чем «пошли тусоваться»?

Она похлопывает меня по плечу.

– Начнем с малого. Вон там Эбби и команда по плаванию.

Мы пробираемся к раздвижным стеклянным дверям, рядом с которыми они столпились. Я общаюсь с этими девочками на каждом практическом занятии, так что они должны относиться к моей «безопасной» зоне. Теоретически. Но есть что-то такое в вечеринках – или почти в любых общественных мероприятиях, можно сказать – из-за чего у меня внутри будто возникает моток колючей проволоки. Я отпиваю глоток пива, привожу мышцы лица в положение, которое, как я надеюсь, соответствует улыбке, и отпиваю еще. Мой стакан пустеет слишком быстро. Эви тут же замечает это и убегает за добавкой, хотя я и прошу ее этого не делать. Пока ее нет, я делаю вид, что поддерживаю разговоры, шутки и флирт с мальчиками, которые подходят к нам. Но всего этого слишком много для меня, и я воспринимаю толпу как обычно – как будто это тысяченое существо, которое движется в неслышном мне ритме.

Что со мной не так?

Когда Эви возвращается, я отпиваю еще глоток, ненавидя себя за то, что мне нужна эта поддержка. Да еще и такая дурацкая. Экспозиция-шмекспозиция.

Внезапно Эви расправляет плечи и настороженно выпрямляется. Проследив ее взгляд в направлении прихожей, я вижу, что пришел Рэйф Сэллерс, высокий парень с волосами до плеч и перспективой получить грант на обучение в Калифорнийском университете за успехи в футболе.

Я дергаю ее за рукав.

– Будет здорово, если ты пойдешь поговорить с ним.

Не только она умеет подталкивать лучших друзей к развитию.

Она прикусывает губу, напоминая мне, что ее напускная храбрость, в значительной степени, проявление силы воли, к которой она приучилась еще маленькой девочкой, когда одноклассники дразнили ее из-за того, что ее семья ест куриные лапки. В те времена она тоже пряталась по углам, но с течением

времени она выбралась на волю и с тех самых пор пытается вытащить и меня.

Она говорит:

– Рано или поздно он все равно подойдет сюда.

Не исключено. Эви и Рэйф флиртуют уже месяцами, хотя дальше этого у них не зашло. Из-за чего он выглядит в моих глазах совершенно безмозглым. Да что он за парень, если он не сходит с ума по моей восхитительной, ослепительной подруге?

Я не хочу быть человеком, который испортит ей все веселье.

– Иди. Я тут прекрасно справлюсь, правда.

В подтверждение этого я отхлебываю еще немного пива.

– Уверена?

Я вытираю уголок рта.

– На случай, если я передумаю, у меня есть кодовое слово, и я не побоюсь его использовать.

Она кивает сама себе, все еще неуверенно, несмотря на невидимое притяжение, которое влечет ее в направлении кухни, где скрылся Рэйф с друзьями.

Я легонько толкаю ее.

– Ну и кто теперь трусит?

Она глубоко вздыхает и упархивает прочь. Я поворачиваюсь к окружающим и пытаюсь придумать, что я могла бы добавить к их разговору о голых велосипедистах и гуляньях по случаю солнцестояния. Но, в самом деле, что я могу сказать, разве что предложить им предусмотрительно использовать тальк в нужных местах?

Я отпиваю еще, киваю и смотрю на экран телефона. Мы провели здесь только двадцать пять минут? Я рыгаю. Хммм, лучше немного притормозить с пивом.

Эбби О'Кифи спрашивает меня о работе в бассейне, наматывая рыжую прядь на палец. Я открываю рот, чтобы ответить, но в этот момент замечаю новоприбывших гостей. У меня сбивается дыхание. Джек здесь.

Эбби смеется.

– Ух ты, плохи твои дела.

Я стою на месте, не в силах придумать разумный ответ. Почему-то у меня даже в мыслях не было, что Джек может тоже оказаться здесь. Это просто глупость. Или избегание правды. В этом деле я настоящий профи. В течение многих лет я трогательно верила, что папа на самом деле не умер, когда нырял; что все это – какая-то глобальная ошибка.

Лицо Эбби становится серьезным.

– Я тебе помогу.

Она машет рукой Джеку. Да что во мне такого, что все мои подруги превращаются в сводниц?

Наконец мне удастся выдать одно слово.

– Нет.

Как бы сильно мне ни нравился Джек, когда я встречаюсь с ним вживую, все мои чувства кричат: «Прячься!» Но протестовать уже слишком поздно. Он направляется к нам, неотрывно глядя на меня. Мне остается только надеяться, что у меня не слишком остекленевший взгляд и что я не краснею слишком сильно. Еще большее избегание правды.

Готова поклясться, что, приблизившись к нам, он с быстротой молнии окидывает меня оценивающим взглядом с головы до ног. Имеет право – потому что я точно так же смотрю на него, разглядывая его слегка промокшие светлые волосы,

синие-синие глаза и тело пловца. Он капитан мужской команды по баттерфляю.

Черты его лица смягчаются, когда он медленно улыбается.

– Эйслин, ты пришла.

– Ага, – глубокий вдох, чтобы вытолкнуть слова изо рта. – Эви меня заставила.

– Я на это надеялся.

– Гм, ага, – я подавляю пивную отрыжку. Почему все это так сложно? Наши с Джеком онлайн-беседы сойдут за интересные, и мы отправили друг другу несчетное количество писем насчет публикаций во «Всякой мороси». Но сейчас без разницы, насколько сильно я пытаюсь заставить свои сердце и дыхание замедлится, колени – не дрожать, а ум – сфокусироваться. Мое тело сопротивляется этому изо всех сил.

Я говорю:

– Ну, мои поздравления с удачей в научном конкурсе.

– Я был уверен, что ты победишь. Твои работы всегда были на голову выше всех наших, – он одергивает свою рубашку. – Тут до невозможности жарко.

Я удерживаюсь от искушения сказать ему, кто или что выглядит до невозможности жарко, и, двигаясь как робот, показываю на стеклянную дверь.

– Хорошая идея, – он открывает ее, впуская вечерний ветерок.

Ах, как он приятно обдувает мое горящее лицо. Несколько минут свежего воздуха, и я смогу успокоиться достаточно, чтобы не упасть в обморок и не стошнить. Если мне очень повезет.

Я чувствую чью-то руку на спине. Эбби говорит:

– Время действовать быстро, – и толкает меня.

Спотыкаясь, я выхожу наружу вслед за Джеком. Около двадцати парней тусуются во дворе, но Джеку удастся найти пару шезлонгов. Большое облегчение – наконец-то я могу дать отдых ногам, в надежность которых я все равно больше не верю. Следующая часть тела в списке желающих подвести меня – мой живот, который мелко дрожит от мысли, что я оказалась здесь вместе с тем человеком, о котором всегда... – ну то есть с Джеком. Я глубоко вдыхаю. Боже, я хочу расплакаться. Просто сдаться и выпустить на волю свою тревогу в бурном потоке слез. И никто никогда больше не будет ждать от меня, что я решусь на экспозиционную терапию.

Он показывает на мой стакан.

– Что там?

Я заглядываю внутрь, будто не знаю.

– Хм, пиво. Там бочонок на кухне. – У меня заплетается язык. Отлично, мне наконец удалось выговорить аж два полных предложения, и я выгляжу как пьяная.

Он пожимает плечами.

– Может, позже.

Таким парням, как он, не нужна эта пивная смелость, из-за этого я чувствую себя еще большим ничтожеством. Стой, стой, подумай о чем-нибудь еще, что мог бы сказать нормальный человек. Я спрашиваю:

– Так что, со следующей недели ты работаешь на радиостанции?

Он добился стажировки, которая будет отлично смотреться, когда он будет подавать документы в колледж – вместе с десятками других достижений.

– Ага, и «Бесплатная еда – детям» собираются прийти на интервью в мой первый день.

Я качаю головой.

– Я и представить не могу, чтобы я занялась чем-то настолько... публичным.

Джек пожимает своими гладкими мускулистыми плечами, так что они образуют широкую букву «V», направленную вниз.

– Но работа этого требует.

– И все-таки, тебе всегда придется быть на виду... – О нет, по моему лицу стекает капля пота. Возможно, это первая капля в цунами убожества, которое может накрыть меня в любой момент.

Он усмехается.

– Ты так говоришь об этом, будто это все равно что слоновий навоз лопатами убирать.

Ох, теперь он думает, что я оскорбляю его станцию.

– Нет-нет, они великолепны. Как и ты. Ты всегда великолепен.

Я быстро моргаю и касаюсь ладонью головы, чтобы сфокусировать взгляд и стереть еще одну каплю, которая катится по виску.

Джек наклоняет голову на бок и смотрит на меня тем взглядом, который он использует так часто – и который заставляет меня чувствовать себя до невозможности видимой. Обычно он вызывает у меня смесь возбуждения и ужаса, но этим вечером я бы предпочла быть как можно более невидимой.

– Принести тебе что-нибудь? – спрашивает он.

– Нет, я в порядке. Просто немного голова кружится. Не привыкла пить столько пива. – Я встаю и наклоняюсь к кустам, чтобы вылить туда все, что осталось в моем стакане, но вместо этого спотыкаюсь и проливаю пиво ему на ноги.

– Боже мой, извини, извини меня!

Он вскакивает на ноги.

– Я принесу тебе воды. Это поможет.

Он убегает в направлении кухни. В этот момент у меня в животе что-то екает и я чувствую подавляющее стремление сбежать от всех этих парней, которые, все как один, внезапно уставились в мою сторону. Я вспоминаю, что видела туалет где-то у входа. Так, если только мне удастся идти и не упасть. Я попытаюсь. Теперь, когда Джека нет рядом, я почти уверена, что смогу держаться на ногах. Я пробираюсь внутрь и проталкиваюсь через толпу к туалету. Но он заперт. Нет!

В ритме дыхания я повторяю про себя. Не блевать. Не падать в обморок. Бесконечно медленно тянутся секунды. Наверное, Джек уже вернулся с моей водой. Мне следует побежать к нему и сказать, что мне нужно пойти домой, что я плохо себя чувствую, и да, убедить его в этом, пожалуй, будет несложно. У меня сводит желудок. Нет, никуда не побегу.

Наконец, дверь туалета открывается и оттуда выскакивают Джессика и Кaleb. Пролетев мимо них, я захлопываю дверь и, прерывисто дыша, опираюсь на раковину, чтобы не упасть.

Руки трясутся, когда я вытираю лоб носовым платком. А потом я совершаю ошибку и смотрю в зеркало. Мои покрасневшие глаза блестят от боли, а рот открывается и закрывается как у рыбы. Я берусь рукой за подбородок, чтобы прекратить это, но моя челюсть будто сопротивляется. Я зажимаю рот руками, пытаюсь удержать его закрытым, я больше не хочу вдыхать все это, вот это все, как бы безумно это ни звучало. От напряжения у меня выпучиваются глаза. Начинает кружиться голова. Может, это тот самый момент, когда я окончательно сломаюсь под грузом внутренней паники, которая накапливалась каждый день, с момента, когда моим первым сознательным переживанием оказался импульс страха, пронизавший мою грудь? Мое существование – постоянная борьба с окружающим миром. А теперь я оказалась на вечеринке, на вечеринке, и в моей крови явно слишком много алкоголя.

Я отпускаю свой подбородок и вцепляюсь обеими руками в края раковины. В этот момент слезы, слюнь и рвота, которые я до сих пор сдерживала, решают вырваться наружу. И в этот же момент кто-то стучит в дверь.

– Подождите минутку, – задыхаясь, выдавливаю я.

Следующие пять минут я провожу всхлипывая и пытаюсь вытереть лицо как можно лучше. Когда стук в дверь становится слишком настойчивым, я споласкиваю лицо, вытираюсь насухо и толкаю дверь вперед.

Девушка, которую я помню по урокам физкультуры в девятом классе, протискивается мимо меня.

– Вот дрянь.

Из-за ее враждебности я рискую заплакать снова. Сдерживая слезы, я иду к веранде.

Но Джека там нет. И нет нигде на заднем дворе. Я медленно поворачиваюсь, вглядываясь в темноту. Внезапно разражается ливень, и капли дождя взрываются, как ракеты, заставляя всех броситься в дом. Я присоединяюсь к этому стаду. Внутри я обследую набитую людьми гостиную, но Джека и там нет. Я зажимаю уши руками и-за гремющего техно, которое кто-то включил настолько громко, что оно отдается в стенах. Только добравшись до кухни, я замечаю его в дальнем углу, и он смеется, будто никогда в жизни раньше не слышал ничего настолько веселого. Рядом с ним хихикает Александра, редактор школьной газеты. Ее лицо, будто с обложки журнала, светится радостью, когда они, уединившись, наклоняются все ближе друг к другу.

Мое сердце словно падает в бесконечную пропасть. Разумеется, он с Александрой. Почему мне, отличнице, понадобилось так много времени, чтобы об этом догадаться? Они с Джеком отлично подходят друг другу. Оба серьезно занимаются писательством, оба по-настоящему красивы. Возможно, я завидую тому, как легко Александре дается уверенность в себе, но она ничуть не похожа на кого-нибудь из этих подлых девчонок. И из-за этого я чувствую себя еще хуже.

В этот момент шум и движение закручиваются вокруг меня, будто я нахожусь в центре водоворота, будто меня засасывает в черную дыру. Мое дыхание учащается и я чувствую, что меня мутит. Не беги, не беги. Я не обязана выглядеть блестяще, но я не должна позволить себе сбежать. Я обещала это себе, и я должна сдержать обещание.

Призрак истерики, настигшей меня в туалете, будоражит мой ум и снова просится наружу, соскучившись по завываниям и скрежету. Дрожа, я возвращаюсь в гостиную, и замечаю Эви, которая сидит на диване рядом с Рэйфом. Они поглощены разговором. Точнее она. А он сосредоточенно смотрит на ее грудь.

Кажется, ноги сами несут меня в направлении Эви. Я знаю, что должна остановиться. Смотри, как она счастлива. Но мне приходится выбирать между перспективой подчиниться своим ногами и разрывающим мою грудь на части желанием закричать на весь мир. Быть может, несколько минут в компании Эви успокоят меня.

Я робко подхожу к ней, ненавидя себя в тот момент, когда она заставляет себя улыбнуться, хотя я выгляжу жалко. Все ее тело и весь ее дух сосредоточены на Рэйфе, а я – помеха на пути. Я должна вернуться к девочкам из команды по плаванию, или в туалет, или на кухню. Нет, не на кухню. Я точно не должна быть здесь и лишать Эви прекрасного шанса. Но я чувствую всем своим существом, что могу потерять контроль в любой момент.

Не размышляя, я выпаливаю два коротких слова:

– «Капитан Кранч»[4 - Популярная в США марка кукурузных хлопьев.].

Когда я произношу их, меня накрывает волна чувства вины и ненависти к себе. Я отчаянно хочу взять их назад. Но если я останусь в этом доме еще хоть на секунду, я или взорвусь или схлопнусь под давлением, смотря что породит больше хаоса.

Плечи Эви ссутуливаются, и я чувствую себя, будто пинком опрокинула детскую коляску. Нерешительно моргнув, она спрашивает:

– Ты уверена?

О черт, как я могла это сделать? Пусть я балансирую на краю пропасти, но это не значит, что я должна испортить вечер и ей. С трудом заставляя себя смотреть ей в глаза, я бормочу:

– Если ты дашь мне ключи, я подожду в машине, пока ты не соберешься уходить. Никакой спешки. Правда.

Она кивает и передает мне ключи. Я выбегаю наружу, под дождь. Почему я не взяла куртку? Потому что я безнадежна. Мое сердце колотится, я бегу, сначала медленно, а потом все быстрее, обхватив себя руками. Дождь обрушивается на меня, но это больше меня не волнует.

Рыдания разрывают мою грудь, и я жалобно кричу в ночь. Вот оно. Я позволила себе сбежать. Наконец-то. Есть некая свобода в том, чтобы наконец сдаться, когда последние остатки сопротивления истощаются в борьбе с болезнью. В то же время, существует еще и риск задохнуться.

Я продолжаю бежать, мимо машины Эви, куда-то в сторону дома. Дождь пропитывает мою одежду и стекает по лицу вперемешку со слезами. Я понимаю, что не могу больше бежать, и перехожу на шаг, сгорбив плечи и тяжело дыша. Я теряю счет времени и не могу сказать, сколько я уже проплакала, но внезапно у меня за спиной тормозит машина. Первое, что приходит мне в голову, – что сейчас серийный убийца затащит меня в свой фургон и это будет достойным завершением ужасной ночи.

Но Эви высовывается из окна и кричит:

– Эйслин! Ты с ума сошла?

Я замираю, не говоря ни слова. Она никогда даже не намекала на то, что я сумасшедшая. А теперь она сделала это в присутствии Рэйфа, который сидит на водительском месте и сосредоточенно смотрит вперед.

Я вытираю лицо рукой.

– Я же сказала, что тебе не обязательно уходить.

– Я не собиралась бросать лучшую подругу грустить в машине. Но когда я пришла туда, тебя уже не было. А теперь забирайся к нам, и мы отвезем тебя домой.

Что мне остается делать? Я забираюсь внутрь и протягиваю Эви ключи, перегнувшись через сиденье.

– Извини.

– Мы еще успеваем вернуться. Не проблема.

Мое сердце сжимается в тот момент, когда я понимаю, что ее «мы» подразумевает Рэйфа, а не меня. Мне не нужно возвращаться на вечеринку, и это большое облегчение, но эта внезапная смена приоритетов неприятно поражает меня. К счастью, она не заставляет меня объяснять все в деталях. Спасибо хоть за это проявление благосклонности.

Подъехав к дому, она убеждает меня, что все будет нормально, – так, как убеждали бы безнадежно больного. Я иду к переднему крыльцу. Легкое опьянение, которое я чувствовала раньше, превратилось во всепоглощающую усталость. Я провожу рукой по волосам и промокаю лицо изнанкой своей рубашки. Потом я тихо открываю дверь.

Но мама уже почти уснула, сидя на диване, ее светлые волосы, на несколько оттенков темней моих, разметались по щеке, а ноутбук лежит у нее на коленях. Я подавляю вздох, когда вижу, что она просматривала вакансии в поисках подработки. Чтобы скомпенсировать деньги, которые я не выиграла, разумеется. Но сколько бы работы она ни нашла, в сутках не станет больше часов. Стал бы папа так же стремиться к успеху в своем дурацком фридайвинге, если бы знал, какой невыносимой жизнью я буду жить с мамой?

Дрожа, я осторожно накрываю мамины худые плечи вязаным пледом. Я найду какой-нибудь способ заплатить за колледж. Я обязана это сделать. Но меня тяготит осознание того факта, что сегодня вечером я поддалась своему желанию сбежать, и я сомневаюсь, что я смогу справиться хоть с чем-нибудь.

Со второго этажа доносится резкий кашель Сэмми, и он звучит не так, как обычно. Подобно любителю птиц, который научился распознавать каждую трель, мы с мамой всегда прислушиваемся, чтобы не пропустить инфекцию легких. Утром нужно будет измерить ему температуру. А сейчас лучше всего, чтобы он поспал, сколько сможет. И я тоже.

Забравшись под одеяло, я чувствую себя в безопасности в своей тихой комнате, словно укрывшись от урагана. Но в то же время я чувствую себя отрезанной от мира, мне будто чего-то не хватает.

Я засыпаю с чувством глубокой печали. Теперь, когда я единожды позволила себе сбежать, что помешает мне убегать от всего? У меня возникает дурное предчувствие, что мой страх перед миром все быстрее раскручивается по нисходящей спирали, проходя точку невозврата.

Крупный производитель лекарств

пытается запретить новый препарат

Харрисон Макитани, «Фармакология сегодня»

Компания «VidaLexor», один из лидеров в разработке новых лекарств, пытается заблокировать заявку на патент, которую подала компания «Nova Genetics». В ней идет речь о новом методе генной терапии, направленной на лечение мышечной дистрофии. Доктор Джофф Гордон, владелец и руководитель «Nova Genetics», заявляет: «К несчастью, противники наших инновационных лекарственных средств руководствуются стремлением к прибыли, а не желанием помочь пациентам. Сейчас в медицине происходит масштабная смена парадигмы. Можно задаться вопросом: почему мы заставляем пациента принимать лекарство в течение всей жизни, если можно исцелить его за один раз. Будущее за генной терапией».

Доктор Линда Галлеон, генеральный директор компании «VidaLexor», возражает: «Если по-настоящему заботиться о безопасности пациентов, то нужно требовать тщательного и продолжительного тестирования лекарств. Они могут оказаться более опасными, чем болезни, для борьбы с которыми их создают».

Четыре

В воскресенье утром меня будит сообщение от Эви: ОТПРАВИЛИСЬ В ПЛАВАНИЕ. ПОГОВОРИМ КАК ТОЛЬКО ВЕРНУСЬ.

Наверное, она хочет разобраться в событиях прошлой ночи и найти способ все «исправить». Исправить меня, будто это вообще возможно. Но ладно, нет никакой необходимости прямо сейчас обсуждать все это в мучительных подробностях. Ее семья проведет весь день на яхте. С пульсирующей от боли головой я, пошатываясь, бреду в комнату Сэмми, где мама устраивает ему утренний сеанс похлопывания по спине.

Я тяжело плюхаюсь в кресло.

– Ночью у него был резкий кашель.

Голос Сэмми дрожит из-за ударов по спине.

– У меня нормальная температура, так что все в порядке, и мы должны пойти, разве что ты найдешь какой-нибудь повод отказаться.

Я качаю головой.

– Дай мне передохнуть, Сэмми. Ты же знаешь, я хочу, чтобы мы пошли.

И я действительно хочу. В некотором роде. Людям с муковисцидозом советуют держаться на расстоянии друг от друга, чтобы избежать перекрестного заражения. Поэтому Сэмми только пару раз в год попадает в списки приглашенных на семейные праздники в «Nova Genetics». И даже там пришедших на мероприятие детей с муковисцидозом распределяют по разным группам.

Последнее слово за мамой, и она, трижды измерив Сэмми температуру и пристально понаблюдав за ним во время завтрака, решает, что он вполне может пойти на праздник. На его лице видно облегчение.

По дороге в «Nova Genetics» он вместе с мамой подпевает старой песне в стиле гранж и кивает мне:

– Спой вместе с нами!

Его взгляд наполняется разочарованием еще до того, как я качаю головой. Я никогда не присоединяюсь к их пению, а мама и Сэмми от этого начинают вопить все громче, и я чувствую себя лишней.

Мы паркуемся у «Nova Genetics». К счастью, протестующих оттеснили в сторону и за ними наблюдают усиленные патрули службы безопасности, которых вызвали специально по случаю мероприятия. Как только мы выходим из машины, охранник проверяет наши документы и проводит нас через идеально чистый кампус. Стаи чаек пролетают у нас над головами, а с десятков наблюдательных площадок открывается вид на водную гладь. Он должен был быть безмятежным, но что-то в этом месте настораживает меня, оно слишком тихое, будто школа после уроков.

Едва войдя на территорию «Nova Genetics», мы видим, как к нам в окружении своей семьи ковыляет Бэйли, подруга Сэмми. У нее мышечная дистрофия, и хотя объятия здесь не одобряются, она обхватывает Сэмми своими тонкими ручками и сжимает их.

Я глубоко вдыхаю, готовясь к предстоящему дню. Наверняка в нем будут и упражнения, на которых нужно делиться своими чувствами, – они настолько изматывают меня, что даже часами ворочать булыжники было бы легче. Если я не убегу. В конце концов, ведь именно так я теперь и поступаю.

Хлоя, сестра Бэйли, фигуристая девушка с длинными каштановыми волосами, говорит «Привет, Эйслин», одновременно окрашивая губы блеском. Она на год старше меня, и именно ее «Nova» назначила моим «другом-помощником». Что-то в ее внешности кажется мне чрезмерно ярким, будто ее полные, гладкие губы слишком сильно блестят. Наверное, она влюбилась в нового мистера Правильного-парня – версии 3.0.

Салли Симс, невысокая и бойкая женщина, координатор публичных мероприятий в «Nova Genetis», встречает нас восторженным смехом.

– Привет, ребята!

Она легонько пихает Хлою локтем.

– Было очень мило с вашей стороны занести документы для Бэйли на той неделе.

Хлоя пожимает плечами.

– Подумаешь. Тут всегда происходит что-нибудь занятное.

Салли говорит, обращаясь ко мне и Хлое:

– Девочки, вам следует познакомиться с новым участником вашей группы – это Шейн.

Она указывает на высокого парня с кудрявыми черными волосами, достигающими до подбородка. Он стоит, зевая, рядом с девушкой, которой уже под двадцать. У нее широкая улыбка, а черты лица напоминают эльфа. Держу пари, у нее синдром Вильямса.

Салли обнимает Хлою за плечи и наклоняется к нам.

– А сейчас, ребята, вам пора пойти вместе с Джо Фирелли, чтобы насобирать немного моллюсков.

Хлоя кривит рот.

– А почему Штеффи не идет с нами?

Штеффи Вонг отвечает в «Nova Genetics» за лабораторных животных, и поэтому ее считают самым подходящим сотрудником, чтобы присматривать за подростками на «вечеринках».

Салли вздыхает.

– Штеффи болеет. Но на берегу, должно быть, приятная погода.

Ладно, по крайней мере, это намного лучше, чем собраться в кружок в одном из конференц-залов и откровенничать о семейных проблемах.

Я плетусь следом за Хлоей и девочкой по имени Роза. У нее огромные коричневые глаза и густые блестящие волосы, и она на этих встречах стесняется так же сильно, как и я. А может, это потому, что английский для нее не родной. Мы улыбаемся друг другу, и этим наше общение в течение дня, в общем-то, исчерпывается.

После того, как Салли Симс раздает нам воду в бутылках из пластика, не содержащего бисфенола, двадцать подростков пешком идут к пляжу, который находится как раз за территорией «Nova Genetics». Пока мы тащим корзины со всем необходимым снаряжением для добычи моллюсков, Джо Фирелли, которого мы обычно видим в качестве психотерапевта, читает нам мини-лекцию о гуидаках – звучит так, будто он пересказывает то, что запомнил из Википедии. Любой житель Пьюджета легко объяснит вам, что гуидаки – моллюски, а не водоплавающая птица. И, благодаря своим отличным отметкам по биологии, я могу вспомнить их место в классификации – от семейства до типа.

Наша группа «братьев и сестер» рассыпается по пляжу, высматривая характерные сифоны гуидаков. Они похожи на кожистый значок бесконечности. Хотя я опасаясь, что Хлоя убежит вместе с парнями, в итоге мы с ней ищем моллюсков вместе. Это утешает. Мы уже столько раз виделись за эти годы, что я могу быть собой рядом с ней – насколько я вообще способна быть собой.

– Вон там! – кричу я и втыкаю в песок кусок трубы тридцати дюймов в диаметре, чтобы затем начать копать внутри этого пластикового барьера.

Она отбрасывает назад свои темные кудри.

– Не спеши, это бедное маленькое создание никуда не денется. К тому же, пусть оно насладится своими последними минутами.

Я вздыхаю.

– Я думала, ты уже забросила всю эту историю с веганством.

Хлоя меняет мнения, как другие девочки – модели туфель.

– Я все еще уважаю право моллюска на существование.

Моя лопата замирает.

– Хочешь пойдём поплещемся в воде вместо этого?

Хлоя шмыгает носом.

– Не. Круговорот жизни и все такое.

Мы копаем по очереди и болтаем. Хотя мы с Хлоей часто переписываемся в Интернете, теперь мы кратко пересказываем друг другу, что случилось в нашей жизни с прошлого мероприятия «NG». У нее появился новый бойфренд-диджей по имени Джесси, что объясняет, почему она так светится, а я набрала больше 2200 на экзамене SAT. Все по-старому, все по-старому. И все-таки нет. После того, как я потерпела фиаско прошлым вечером, моя жизнь опустилась ко дну еще чуть-чуть – может быть, уже слишком глубоко, чтобы я могла выбраться наверх.

Я беру вместо лопаты совок и медленно раскапываю кремово-бежевую шею моллюска, которая напоминает слоновий хобот.

Хлое вытирает тыльной стороной ладони пот со своего загорелого лба.

– Выглядит как член.

Я зачерпываю рукой немного песка.

– Знаешь, мое знание мужской анатомии скорее теоретическое, чем практическое, но этот минимум сантиметров тридцать длиной.

Она улыбается, будто посвящена в какую-то тайну.

Мой телефон жужжит в кармане. Я бросаю взгляд на свои руки, покрытые коркой песка.

Хлое говорит:

– Ты вполне проживешь, не читая статусы друзей.

Она говорит это высокомерно, как будто теперь, когда она закончила старшую школу, она стала бесконечно мудрее меня во всем – что, по правде сказать, не так уж сложно.

Я снова втыкаю совок в каменистый песок.

– Ага, но если бы мы услышали, что звонит мистер Нападающий, держу пари, ты бы нашла способ ответить.

– Он полузащитник, и я сказала ему не звонить мне больше до сегодняшнего вечера.

– Так вот почему ты постоянно разглядываешь этого нового парня, Шейна?

Она смеется.

– Он и правда классно выглядит, но я не изменница. А это из-за него наша Эйзи так вспотела?

– Я вроде бы интересуюсь кое-кем другим.

Потом я вспоминаю прошлый вечер и вздыхаю.

Я ловлю взгляд Шейна, оказавшегося неподалеку. Слышал ли он, о чем мы говорили? Я стараюсь копать быстрее.

Хлоя хлопает меня по руке.

– Смотри, что ты делаешь.

Я опускаю глаза и обнаруживаю, что я уже добралась до панциря гуидака. Наклонившись в яму, я копаю руками. Хлоя морщит нос, будто я устраиваю избиение морских котиков.

После того, как мы вытаскиваем нашу добычу, я вытираю руки о тряпку и достаю телефон. Это сообщение от Эви: БОЛЬШЕ НЕ МОГУ ТЕРПЕТЬ, ХОЧУ РАССКАЗАТЬ ТЕБЕ – МЫ С РЭЙФОМ ВСТРЕЧАЕМСЯ! Я ТЕБЕ СТОЛЬКО ХОЧУ РАССКАЗАТЬ!

Я рада за нее, но в то же время, хоть мне и отвратительно это признавать, немного грущу. Опять чувствую себя третьим лишним. Я отпиваю большой глоток воды, содрогаясь от того, что все события вчерашней вечеринки снова проносятся в моем сознании.

Несколько минут спустя я готова возобновить охоту, но несколько парней из нашей группы привязались к Хлое. Она обычно получает свою долю мужского внимания, но сегодня это заходит дальше, чем обычно. Что-то вроде того, будто девушка, которая «занята», должна испускать больше тех самых феромонов. Теперь и Эви будет наслаждаться этим явлением.

Ладно, я могу копать и одна. В конце концов, в одиночку я лучше всего справляюсь. Я наедине с собой, и без всяких феромонов.

Я бросаюсь туда, где, как мне показалось, я видела движение в песке. Но к моменту, когда я добираюсь до этого места, остается только небольшая рябь.

– Вон там есть один, – произносит голос за моей спиной.

Я поворачиваюсь и обнаруживаю Шейна – высокого, темноволосого, великолепного. Он указывает на песок в нескольких футах слева от меня. Если рядом оказался симпатичный парень, черт, да хоть какой парень – это верный знак, что моя система кровообращения вот-вот меня подведет. Отстой. Может, я сделаю перерыв и он решит, что у меня щеки от солнечного ожога покраснели.

Я с трудом выдавливаю слова:

– Ты его нашел; это твой.

– Я уже выполнил свою норму по свежему мясу, – он выжидательно улыбается.

– Хорошо, уф, спасибо.

Я зову Хлою, но она не обращает на меня внимания. Она действительно собралась оставить меня здесь с парнем, которого я не знаю? В моих внутренностях разрастается знакомая тошнота.

– Я тебе помогу.

Шейн бежит туда, где Хлоя оставила трубу. Вот бы он там и остался.

Я глубоко дышу – единственное, что я могу сделать, чтобы унять панику.

Вернувшись, он говорит:

– Начнешь копать первой? У тебя такой вид, будто ты хочешь на кого-нибудь наброситься.

Я пристально смотрю на него, выискивая признаки насмешки. Это Хлоя подкупила его, чтобы болтался рядом со мной? Я не смогу выкапывать гуидаков вместе с ним, пока в моей памяти свежа ее фраза про член.

Я прочищаю горло.

– На самом деле, э, я собираюсь немного охладиться. Но спасибо.

Не дожидаясь, пока он ответит или пока я начну спорить с собой насчет того, считать ли это бегством, я сбрасываю сандалии и бегу по каменистому песку к краю прибоя. Ой, ой, ой. Наконец я достигаю воды. Фух. Дыши. Успокойся. Он – не Джек. И вообще не из тех, когда я вижу часто, может, если повезет, я вообще его никогда больше не увижу. Но я не должна рассчитывать на удачу.

Поднимается прилив и вода мягко обволакивает мои ноги, она достаточно холодна, чтобы ступни начали неметь. Вот если бы я так же могла уничтожить и все другие телесные ощущения. Мои глаза следят за орлом, парящим у меня над головой, пока он не исчезает среди деревьев. Я захожу в воду по колени и

закрываю глаза. Волны беззвучно плещутся о мои ноги, и мой желудок постепенно успокаивается. Я уже почти смогла забыть...

– Так что, много времени уходит, чтобы довести до совершенства такие вот стервозные выходки?

Я подпрыгиваю на несколько сантиметров и, обернувшись, обнаруживаю, что Шейн последовал за мной. Когда мне удастся восстановить дыхание, я говорю:

– Слушай, извини. Я просто не очень хорошо себя чувствую.

– О, так что план Б – это сказать, что у тебя живот болит?

Почему он преследует меня? Я моргаю, глядя на него, не зная, что сказать, слезы собираются в моих глазах – наверное, он сочтет это еще одним оправданием или пошлой попыткой произвести впечатление.

Но вместо этого он резко меняет тему.

– Хлоя говорит, что ты практически живешь здесь. Какая досада.

Я глотаю слюну.

– Это ради моего брата.

Он проводит рукой по своим густым волосам.

– Моей сестре, похоже, все равно. Но мама сказала, что будет неделю давать мне деньги на бензин, если я сегодня сюда поеду.

Я обхватываю себя руками.

– Так что вы оба в выигрыше.

– Оба в выигрыше, а? Даже если приходится выкапывать странных моллюсков?

Я обмакиваю руки в воду. Между пальцами скользит побег морской водоросли.

– Копать – не так уж и плохо, хотя песка многовато.

Он облизывает губы.

– Мне нравятся девушки, которые не боятся запачкаться.

Я пристально смотрю на него. Это какой-то намек насчет секса? Мне стоит снова отойти подальше. Это покажется ему грубым, но не хуже, чем вот так вот преследовать кого-то, кто явно от этого не в восторге.

Но я говорю:

– Ага, ну да.

На этом мои мысли иссякают. Проклятье. Я отвратительно с этим справляюсь – что бы это ни было.

Он кивает в сторону пляжа.

– Так что, собираешься копать, пока они снова не затащат нас внутрь?

Я осматриваюсь по сторонам. Хлоя и ее спутники скрылись за крутым прибрежным склоном.

– На самом деле нет.

Почему он не может просто оставить меня наедине с собой и с моей социофобией?

Он разглядывает меня так, что я чувствую враждебность.

– Знаешь что, девушки, которые считают, что стоят каких-то особых усилий, обычно их не заслуживают. Не дожидаясь ответа – которого у меня все равно не было, – он шагает прочь, пиная песок перед собой.

Вот козёл. Как он вообще посмел делать какие-то предположения обо мне? Я поворачиваюсь лицом к заливу и захожу в воду по бедра. Но даже вода не может смягчить ком в моем горле или успокоить колотящееся сердце.

К тому моменту, когда Джо Фирелли созывает нас, мои ноги уже онемели от холода. Прихрамывая, я иду через пляж. Хлоя появляется словно из ниоткуда, раскрасневшаяся и улыбающаяся, а три парня идут за ней по пятам. Шейн презрительно усмехается, когда я прохожу мимо, и еле слышно говорит что-то парню, стоящему рядом.

Джо прыгает от корзины к корзине, рассматривая наш улов и хлопая в ладоши.

– Превосходная работа! Давайте отнесем их в столовую, чтобы наши повара их приготовили.

Может, они недостаточно часто выпускают его из кабинета, где он консультирует пациентов. Мы шагаем обратно к «Nova Genetics», и Джо проводит нас ко входу рядом с кухней, чтобы мы могли отдать наших моллюсков и помыться.

– После обеда мы встретимся в переговорной и проведем небольшой сеанс.

Мое сердце будто проваливается в желудок. Эти сеансы, в которых каждый участник должен проявлять себя, просто убивают меня. Может, никто не заметит, если я спрячусь вон за той палаткой, торгующей ярко раскрашенными футболками, и подремлю там, пока этот «веселый» день не закончится?

Хлоя украдкой подходит ко мне, вся такая взволнованная.

– Вы с Шейном мило выглядите вместе.

– Тебе нужно серьезно поработать над своей наблюдательностью. Зачем ты меня подставила?

Она выглядит ошарашенной.

– Я этого не делала, правда. Он просто хотел поговорить с тобой. Невелика проблема.

Я отвожу взгляд. К этому моменту она уже должна была понимать, что это большая проблема. Не должно было быть проблемой, но так уж сложилось.

Она хлопает меня по руке.

– Я тебе это компенсирую, ладно? Позже, когда у нас будет эта дурацкая встреча, я буду болтать так много, что до тебя очередь так и не дойдет. Тогда мы будем в расчете, верно?

– Думаю, да.

Я не спрашиваю, почему она считает, что должна что-то мне компенсировать, если не науськивала Шейна на меня.

Когда мы возвращаемся в главный павильон, я замечаю, что доктор Стернфилд о чем-то говорит с Розой, которая кивает, прикусив губу. Она берет Розу для участия в своем новейшем исследовании? Зависть молнией пронзает меня. Я торопливо иду к ним.

Но Сэмми преграждает мне путь. Он улыбается, и к нему присоединяется доктор Гордон (папа доктора Стернфилд и директор «Nova Genetics»). Он почти в два раза выше ростом, чем Сэмми, а руки у него такие, что кажется, он мог бы разбивать ими бетон. Но из-за рыжеватых волосами и круглых темных очков он напоминает огромную коалу.

Он тепло приветствует нас, обращаясь к нам по именам.

– Как ваши раскопки, девочки?

– Великолепно, – врет Хлоя. – Но не для моллюсков. Но я уверена, что они уже в раю для гуидаков.

Он фыркает.

– Чарли когда-то тоже любила собирать своих моллюсков. Она присоединилась к вам?

Я представить не могу, как доктор Стернфилд разгребала бы песок, одетая в один из своих безупречных костюмов.

– Не сегодня.

– Моя девочка. Трудоголик. – Он гордо качает головой.

Сэмми внезапно одолевает приступ кашля, и мы, отведя глаза, ждем, пока он пройдет. Но он не проходит. Я хлопаю Сэмми по спине и чувствую тепло сквозь его футболку. Его лицо вспотело от напряжения. Сэмми вытаскивает из кармана платок.

Я говорю:

– Давай присядем, а? Похоже, у тебя жар.

Он с трудом выдавливают:

– Я в порядке.

Мама уже заметила это и спешит к нам. Я вздыхаю. Сэмми ненавидит, когда из-за него начинается суэта. Через несколько минут мама и доктор Гордон уводят его для осмотра к одному из врачей «Nova Genetics». Его ведут прочь, он продолжает кашлять, и у него такие несчастные глаза. Если бы я могла взять на себя часть этих страданий вместо него.

Не дав остальным погрузиться в угрюмое настроение, Салли Симс врывается в толпу в своих изящных туфлях на плоской подошве.

– Для всех готов первоклассный обед!

Я пировала здесь достаточно часто, чтобы догадаться, что в меню будут свежие крабы и ризотто с трюфелями. Надеюсь, врач скоро отпустит Сэмми. Я осматриваюсь в поисках Хлои, но она увлечена разговором с Шейном. Вероятно,

она объясняет ему, что со мной не так, и убеждает, что не стоит принимать это на свой счет. Отлично, мне придется есть в одиночестве. Впрочем, у меня все равно нет аппетита. Ссутулившись, я иду в общей толпе.

Когда я подхожу к двери, откуда-то сзади вдруг доносится запах жасминового одеколona. Я резко оборачиваюсь и обнаруживаю, что рядом со мной стоит доктор Стернфилд. Она вся в белом – от шелковой ленты в волосах до легких лаковых туфель. В этот момент луч солнца прорывается через огромное окно под потолком, и в его свете она выглядит как современное воплощение феи-крестной.

И да, у меня есть желания.

Генный допинг – конец соревновательного спорта?

Или начало совершенно новой игры?

Лэнс Старкман, «Спорт и досуг в США»

Благодаря быстрому росту мышц студент старших курсов Уилл Уильямс, начинающий полузащитник команды «Warriors», встречает противников во всеоружии. Уильямс настаивает, что ему удалось прибавить пятьдесят фунтов за прошлый год благодаря интенсивным силовым тренировкам, диете с большим количеством протеина и «старому доброму скачку роста». Но некоторые намекают на новое достижение науки – генный допинг, при применении которого измененная ДНК вводится в тело спортсмена, чтобы увеличить его достижения, снизить чувствительность к боли, стимулировать рост мышц и увеличить выносливость.

Международный совет по вопросам спортивного поведения разрабатывает анализ крови, который сможет выявить измененные гены. Доктор Сэмпсон Воглер утверждает: «В ДНК, внедренных искусственным путем, отсутствуют определенные последовательности, которые есть в ДНК естественного происхождения. Уже до конца года этот анализ будет в числе наших

инструментов».

Возможно, до сих пор науке удавалось противостоять обманщикам. Но некоторые считают, что это только вопрос времени – рано или поздно те, кто пытаются обойти процедуру тестирования, разработают трансгенные препараты, не содержащие явных признаков манипуляции. Как и на идеальных фальшивых купюрах, на генных модификациях, которые нельзя обнаружить, скоро можно будет нажать состояние.

Пять

В отличие от других сотрудников, которые сегодня сменили обычную рабочую одежду на джинсы и вязанные кофты, доктор Стернфилд надела простое льняное платье и накинула поверх лабораторный халат. В то же время, впервые, насколько я могу вспомнить, ее золотисто-каштановые волосы свободно свисают до плеч, выбившись из-под ленты. Она наклоняется ко мне:

– Привет, Эйслин. Ты сильно проголодалась?

– Ммм, не очень.

– Не против визита к нашим длинноруким друзьям?

Как будто я хоть раз отказывалась поиграть с шимпанзе.

– Конечно.

Она идет вниз по тихому коридору, удаляющемуся от столовой.

– Какое облегчение – на один день отвлечься от бумажной работы.

Я знаю, что нужно проявить дружелюбие, прежде чем перейти к делу, но я не могу удержаться и спрашиваю прямо:

– Так что, Сэмми, ну, подходящая кандидатура?

Она подмигивает мне.

– Что ж, я еще не могу сообщить тебе никаких деталей, но инструкции оставляют нам достаточно свободы действий.

– Спасибо вам за все, что вы делаете. Для нас нет ничего важнее.

Я ожидаю, что мы направимся наружу, к куполам вольеров, где обычно играют шимпанзе, но доктор Стернфилд останавливается у лифта. На нем нет никаких надписей, а чтобы им воспользоваться нужен ключ. Мы спускаемся на два этажа, а потом идем по извилистому коридору к зоне, которую я еще не посещала. Кондиционеры здесь работают на полную. Когда мы подходим к тяжелой двери, доктор Стернфилд поворачивается глазом к сканеру сетчатки и вводит код на клавиатуре. Я еще ни разу не видела лабораторию, защищенную настолько хорошо.

За дверью оказывается комната, залитая светом полного спектра, но меня пробирает дрожь от страха замкнутого пространства. Здесь даже холоднее, чем в коридоре, а пахнет будто дезинфицирующим спиртовым раствором.

Мы проходим вдоль клеток и приближаемся к одной, на которой написано «Руби». Она – мой любимчик, и Штеффи, присматривавшая за ней, давала мне покормить обезьяну, когда та была еще детенышем. Хотя Руби должна была привыкнуть к людям, она все еще прячется, если голоса вокруг становятся слишком громкими. Могу ее понять.

Мы останавливаемся у ее клетки. Руби торопливо подходит к решетке и высовывает свою узловатую руку, будто хочет, чтобы мы пожали ее. Впервые такое вижу. Доктор Стернфилд усмехается и похлопывает ее по длинным пальцам. Руби крутится перед нами, будто позируя для фото, и я готова поклясться, что она улыбается.

Доктор Стернфилд наклоняется ко мне и шепотом, хотя рядом больше никого нет, произносит:

– Харизма.

– Она ей определенно присуща. Но как вы выдрессировали ее?

Она чешет макушку Руби.

– Выдрессировала? Думаю, ты не понимаешь. Я дала ей средство, о котором тебе говорила – для коммуникабельности. «Харизма», или CZ88, если ты предпочитаешь официальное наименование.

Кровь приливает к голове так быстро, что я едва удерживаюсь на ногах.

– Что? У вас уже есть метод лечения? Я думала, вы только ведете исследования.

Её глаза блестят.

– Ну, мне нужно быть осторожной насчет того, что и кому я говорю. Но интуиция подсказывает, что тебе, Эйслин, можно доверять. Как бы там ни было, я начала работать над этим еще студенткой, когда изучала медицину. Шимпанзе – второе тестирование на млекопитающих. В первой группе были крысы, очаровательнее которых ты вряд ли встретишь.

Сердце все громче колотится в моей груди.

– Ух ты. Ух ты.

Я позволяю Руби взять меня за руку, просунутую между прутьями решетки.

– Она такая дружелюбная. На скольких шимпанзе вы уже это проверили?

– На пяти. Иногда тут целая компания приматов собирается.

– Держу пари, Штеффи это нравится.

Глаза доктора Стернфилд на мгновение вспыхивают, а потом она улыбается:

– Ага, она этим наслаждается.

Я наблюдаю за Руби, которая, кажется, танцует.

– Кажется, она действительно счастлива. Вы можете это измерить?

Доктор Стернфилд поджимает губы.

– У людей это измеряется лишь субъективно, а о животных и говорить нечего. Но мы можем измерить стресс. А уровень норэпинефрина, кортизола и адреналина у Руби значительно снизился.

Чтобы определить, что на вечеринке мои гормоны стресса зашкаливали, несмотря на пиво, не понадобилось бы анализа крови. Каков мой нормальный уровень счастья? Когда я переписываюсь с Джеком в Интернете, мои показатели, несомненно, поднимаются. Но сейчас? Низкие, несопоставимо низкие.

Доктор Стернфилд продолжает.

– Неважно, насколько счастливы шимпанзе, все равно между тестированием на животных и клиническими испытаниями с участием людей есть огромная пропасть. Знаешь, как называют эту пропасть те, кто занимаются исследованиями и разработкой новых лекарств? Долина смерти. Где прекрасные, совершенные проекты встречают безвременный конец.

Она упоминала «долину смерти» и раньше, но никогда эти слова не вызывали у меня такого острого приступа разочарования.

– Вы не можете позволить этому проекту умереть. Он может оказаться просто потрясающим.

Она печально улыбается.

– Я знаю. Поверь мне. Но быть «просто потрясающим» недостаточно, чтобы в обозримом будущем получить одобрение по официальным каналам. Мой папа упорно настаивает на том, что «Nova Genetics» борется только с болезнями, и чем опаснее они – тем лучше.

Я тихо говорю:

– Иногда я думаю, что чувствовать себя так – хуже болезни.

Она вздыхает.

– Эйслин, я понимаю. К моменту, когда мир наверстает упущенное в части улучшения генов, я уже, наверное, без ходунков передвигаться не смогу.

У меня перехватывает дыхание.

– Так вы не собираетесь испытывать его на людях в ближайшее время?

Свежая порция слез собирается за моими веками, хотя я уверена, что выполнила норму прошлым вечером.

Ее взгляд становится холодным и стальным, и она словно пытается продырявить белую плитку пола носком туфли.

– Это совершенно нелепо! Представь только, сколько людей сломались под натиском стеснительности и социальных фобий – а я могла им помочь!

– Это открытие может подарить им новую жизнь.

Она оценивающе смотрит на меня.

– Я видела опросники, которые ты заполняла для исследования динамики отношений в вашей семье. Как мучительно ты стремишься высказывать свою точку зрения, быть услышанной – и в то же время боишься этого. Когда я поступила в колледж в четырнадцать лет, я была самой маленькой в классе, и у меня был самый писклявый голос, и я была неспособна поднять руку, даже если знала ответ.

О неспособности поднять руку я знаю все. О том, на что это похоже – будто что-то постоянно держит тебя на привязи, не давая оторваться от земли.

– Сложно поверить, что генная терапия может сделать кого-то смелее.

Она поджимает губы.

– Знаешь, личность действительно ужасно сложная. Харизма, или CZ88, воздействует на множество генов, работающих согласованно, на участки ДНК, которые другие исследователи могли пропустить. Но что для одного ученого – мусор, для другого – сокровище.

Я не могу представить гены как маленькие емкости, наполненные мусором или сокровищами, но доктор Стернфилд никогда не стесняется ярких метафор. Одно из первых объяснений принципа действия генной терапии, которое она мне дала, было таким: она предложила представить вирусный вектор как посылочный ящик, который адресован определенным тканям тела. Внутри ящика – измененная ДНК, которая сможет занять место дефектных генов или дать им команду действовать иначе. Вирус может вместить определенное количество ДНК, но если вы используете слишком мало, понадобится добавить ДНК-заполнитель – вы делаете то же самое, когда пакуете в посылку мелкие вещи.

Я пинаю пол, подражая доктору Стернфилд.

– Если бы вы смогли получить одобрение, сколько пройдет времени, пока вы не получите что-то, что можно испытать на людях?

Она наклоняет голову набок и смотрит на меня долгим взглядом.

– Оно готово сейчас.

Мое зрение затуманивается.

– Сейчас – то есть сегодня?

– Сегодня и сейчас, – говорит она и позволяет себе улыбнуться.

Я вздрагиваю.

– И это безопасно?

Она недовольна.

– Я тестировала лекарства годами, и их безопасность всегда была безупречна.

Она шумно выдыхает.

– Но неважно, что я знаю о безопасности «Харизмы», FDA все равно не допустит её до клинических испытаний. Вот почему мои дни в «Nova Genetics» сочтены.

Волна паники накатывает на меня. Я вскрикиваю:

– Что?

– Я должна отправиться туда, где моей помощью смогут воспользоваться как можно больше людей. Прямо сейчас, и это место не в США.

Нет, этого не может быть. Я подобралась так близко к своей мечте, и она ускользает от меня, прежде чем я успела ее схватить.

– А что, если вы проведете предварительное испытание, прежде чем уехать? На ком-то, кому это действительно нужно?

Она хмурит брови.

– Ты предлагаешь мне то, о чем я сейчас думаю?

Я не знаю. Я и правда это предложила?

Она говорит:

– Нет ничего страшного в том, чтобы сказать нет. Не каждый готов к глобальным изменениям в своей жизни.

Она действительно предлагает мне это. Да и правда, разве найдется подопытная свинка лучше, чем человек, вся жизнь которого – чудовищная катастрофа.

– Когда я должна принять решение и оформить нужные бумаги?

Она качает головой.

– Боюсь, мы не располагаем такой роскошью, как время на размышления. Или оформление бумаг. Но если ты серьезно намерена улучшить свою жизнь, я могла бы помочь тебе сегодня. То есть – именно сегодня.

У меня внутри все холодеет.

– Вам не нужно следить за всякими показателями, чтобы потом опубликовать результаты исследования?

Она протягивает руку к клетке Руби и гладит обезьяну по голове.

– Думаю, мы здесь в одинаковом положении, черт бы побрал эти официальные процедуры. Когда ты придешь на следующую семейную встречу, меня здесь уже не будет.

Мне кажется, будто стены вокруг меня мелодично гудят, а может, это бьются мои вены. Я тру лоб рукой.

– Простите. Я еще не вполне осознала все это. Но если вы сделаете это втайне, у вас могут быть большие неприятности, верно?

– Только если кто-то узнает. Но я доверяю тебе, Эйслин. И я хочу помочь тебе и другим людям сейчас. Точно так же, как я хочу помочь Сэмми попасть в клинические испытания AV719, несмотря на то, что у него больше инфекций и меньше жизненная емкость легких, чем у среднего одиннадцатилетнего подростка с муковисцидозом. Коммерческие интересы, которые стоят за этим

исследованием, требуют, чтобы в него попадали люди, у которых шансы на улучшение выше – чтобы в итоге получить наивысший процент успеха.

Паника, которую я ощутила минуту назад из-за того, что могу упустить чудесное средство, удваивается, когда речь заходит о том, что Сэмми тоже может оказаться в проигрыше.

– Это так несправедливо. Они должны помогать тем, кому это больше всего нужно.

Она кладет руки мне на плечи – впервые, раньше ее прикосновения ограничивались рукопожатиями. Сквозь одежду я чувствую ее ногти.

– Я хочу поддержать его, даже если это означает, что я буду не так уж строго следовать писаным правилам. Ты со мной, Эйслин?

Все вокруг я вижу как в тумане, кроме ее глаз, которые светятся как хрусталь. Я говорю:

– Если я соглашусь, как мне нужно принять лекарство?

– Это инъекция, все чисто и просто. Вероятно, только одна доза, но нет никаких гарантий. Мы не знаем, как быстро будет распространяться вирусный вектор, который доставляет лекарство, и насколько сильно он затронет твою ДНК. Конечно, только ты будешь решать, принимать ли дополнительные дозы.

Рядом с нами Руби раскачивается, сидя на полу, и выглядит такой довольной, какой я ее никогда не видела. Я сосредоточенно размышляю.

– Можно рассказать маме? Она сохранит тайну, потому что дети для нее важнее любых правил.

Доктор Стернфилд резко убирает руки с моих плеч.

– Ух, я думала, что с твоим IQ... Слушай, давай забудем это все, ладно?

Она потирает руки, будто стряхивая грязь, и направляется к двери.

Подождите. Что? Мое тело холодеет. Моя жизнь и жизнь Сэмми могут полностью измениться благодаря «Nova Genetics» и доктору Стернфилд. Если я преодолею свою стеснительность, я смогу лучше защищать его. Как я могу упускать такой шанс? Мама, да и кто угодно другой, поймет.

Я вдыхаю так глубоко, что у меня начинает кружиться голова, и говорю:

– Нет, послушайте. Я полностью понимаю, почему вам нужно сохранить тайну, особенно учитывая этих ненормальных протестующих, которые толкуются снаружи. Я согласна. Я согласна.

Она рассматривает меня, кажется, целую минуту, а потом, наконец, кивает.

– Хорошо, Эйслин. При условии, что ты согласна.

– Полностью согласна.

Да, это эксперимент, настолько секретный, что я не смогу рассказать даже маме. Да, жесткий, пассивно-агрессивный подход доктора Стернфилд выводит из равновесия. Но я чувствую, что мы на пороге чего-то невероятного.

Она достает из кармана заколку и собирает волосы в узел на затылке.

– Поскольку у нас сохранился старый образец твоей крови, я уже знакома с разными антителами, которые могли бы нам помешать. Некоторые из них довольно странные, ты сама знаешь. Может, из-за твоей поездки в Азию несколько лет назад. Но, слава богу, никаких неустранимых проблем.

Слава богу – это верно сказано. Я со страхом осознаю, что семья Эви, взяв меня с собой на каникулы в Индонезию после того, как мы закончили среднюю школу, могла лишиться меня всех шансов на это чудо.

Я говорю:

– Лучше могло быть, только если бы «харизма» была в капсулах вместо инъекций.

Она проводит по своей нижней губе наманикюренным ногтем.

– Ну, однажды, я мечтаю, появится версия для массового производства, которую будут продавать без рецепта – может, это будет порошок, который можно просто вдохнуть, чтобы обойти гематоэнцефалический барьер. Может, его будут продавать в светло-желтых пакетиках, на которых напечатаны розовые сердечки. Как ты думаешь?

Она подмигивает мне, и я задумываюсь – может, ее последние слова – просто шутка, чтобы я расслабилась.

Но все-таки мне не удастся заставить себя рассмеяться. Следом за доктором Стернфилд я вхожу в дверь, которая отпирается еще одним кодом, и оказываюсь в маленькой комнатке. Доктор Стернфилд велит мне сесть, пока она моет руки и надевает перчатки. Из маленького стального шкафчика она достает большой шприц.

– Я знаю, что это пугает, но тебе от этого станет лучше. Я делала себе инъекции и более толстыми иглами. Две секунды боли, а потом можно всю жизнь радоваться.

Она протирает мою руку вышел локтя спиртовым тампоном и вводит лекарство – за обещанные две секунды. Ловкими движениями она перевязывает руку узким бинтом. Готова поклясться, что чувствую, как содержимое шприца проникает в мою руку. Хотя мне не терпится перестать быть застенчивой, глухая паника наполняет мою грудь. Ох, ничего себе, я действительно это сделала.

Она стягивает перчатки.

– Если начнешь паниковать, глубоко дыши. А на случай, если тебе захочется с кем-то поговорить об этом, я дам тебе то, что получают от меня лишь немногие – мой номер телефона. Воспользуйся им, ладно? Мы изменим мир, ты и я.

Я рассматриваю узкую повязку, которая скрывает так много.

– Я просто хочу изменить себя.

– Этого достаточно. А теперь как насчет того, чтобы подняться наверх и посмотреть, осталось ли у них еще что-нибудь с трюфелями?

Покидая эту комнату, мы больше не произносим ни слова. Я потираю руку, размышляя о веществе, которое разгорается под кожей и неудержимо растекается по артериям. Удалось бы мне сорвать повязку и высосать его, как змеиный яд? Сколько пройдет прежде чем оно начнет на меня влиять? День? Неделя? Стоило бы задать эти вопросы доктору Стернфилд, но теперь, когда дело уже сделано, я не могу заставить себя заговорить с ней, когда она стоит в лифте в футе от меня с довольным выражением лица.

Прежде чем поспешить прочь, она шепчет мне:

– Помни, никому ни слова о «харизме» и клинических испытаниях для Сэмми, ладно?

Я невнятно бормочу что-то в знак согласия, и она уходит. У меня в голове неотвязно крутится мысль о том, что мне следовало потребовать больше деталей. Ладно, я надеюсь, что в скором времени я уже никогда не побоюсь заговорить. Теперь перспективы кажутся мне намного шире, я могу наполнить свое будущее новыми возможностями, свободой, а может быть даже отношениями с Джеком, если я смогу исправить тот ущерб, который был нанесен прошлым вечером. Легким прогулочным шагом я направляюсь к кафетерии. Но мне по-прежнему недостает смелости, чтобы присоединиться к Хлое, Шейну и остальным, когда они смеются, сидя за круглым столом.

Я украдкой пробираюсь в угол и ем одна – надеюсь, в последний раз.

С наслаждением поедая лосося и спаржу (спасибо, что в моей порции нет гуидаков), я обнаруживаю, что мой телефон снова поймал Сеть. Эви прислала еще одно сообщение и рассказывает новые детали. Они с Рэйфом целовались «как безумные» после вечеринки. Конечно, я ужасно волнуюсь за нее, но меня еще сильнее интригует другая часть сообщения – Джек не мог понять, почему я ушла так рано. Как только она сказала ему, что я ушла, он ушел тоже.

Правда? Вот если бы я не сделала тогда поспешных выводов и не устроила истерику из-за Александры. А теперь он будет думать, что я совершенно неадекватная. Ну, на самом деле он думал так уже после того эпизода с пивом.

Я собираюсь позвонить Эви, чтобы узнать больше, но тут Салли Симс объявляет, что до следующего мероприятия осталось две минуты. Отвратительно. Если бы я знала секретные коды от лаборатории внизу, я бы спряталась там вместе с Руби.

Я запихиваю в себя остатки обеда, иду к конференц-залу имени Уотсона и Крика и усаживаюсь там на один из стульев, расставленных по кругу. Роза вбегает в зал на последней минуте, ее лицо кажется бледным. Как странно. Я видела ее какой угодно, но только не подавленной. Подозрение вспыхивает в моем сознании. Я пытаюсь разглядеть, нет ли у нее повязки на руке, но рукава ее рубашки скрывают любые улики – как и у меня.

Джо призывает всех к порядку.

– Отличная работа на пляже, ребята! Что вам больше всего понравилось?

Руки тянутся вверх; называют воду, охоту, солнечный свет и все такое прочее. Покончив с запланированным снятием напряжения, Джо переходит к психотерапии.

– Есть желающие поделиться чем-то новым со времени нашей прошлой встречи?

Мы переглядываемся в неуютной тишине, и наконец берет слово девочка по имени Киэра. У нее рыжие волосы, но перед этой встречей она покрасила их в золотистый у корней, и теперь кажется, будто у нее голова горит. Она жалуется, что ее родители посвящают почти все время ее брату Якобу, в генах которого обнаружена болезнь Хантингтона.

Зацепившись за эту тему, Джо спрашивает остальных, завидуем ли мы вниманию, которое наши родители изливают на наших братьев и сестер. Для меня не проблема, что мать зацикливается на Сэмми. Ведь и я сама так делаю.

От предстоящей необходимости говорить о чем-то перед группой мои внутренности стискивают знакомое ощущение. Похоже, «харизма» еще не заработала. Пусть лучше Хлоя говорит. Один за другим все болтают о том, как ужасно, когда все тебя игнорируют, если рядом твои братья и сестры. Вот же детский сад.

Когда наступает очередь Шейна, он вытягивает вперед свои длинные ноги и говорит:

– А я не против, когда моей сестре уделяют внимание.

Джо поднимает свои густые брови.

– Правда? Будь честным. Ты среди друзей.

Шейн ухмыляется.

– Да? Знаете, когда люди замечают ее, они замечают и то, как я помогаю ей. Знаете, как это впечатляет девиц, которые думают, что я святой?

Парень, сидящий рядом с Шейном, «дает ему пять».

Джо хмурится.

– Так ты используешь болезнь своей сестры, чтобы цеплять девушек?

– А почему нет? Мы оба в выигрыше.

Без тени улыбки он смотрит в мою сторону. Я поднимаю взгляд к потолку.

Джо трет подбородок.

– Ладно, я думаю, что ты вполне имеешь право поискать светлые стороны в своей ситуации. До тех пор, пока ты никого не эксплуатируешь.

Шейн усмехается.

– И как стратегия отхода тоже отлично срабатывает. Когда мне становится скучно, я могу сделать вид, что настолько обеспокоен состоянием моей сестры, что не могу выделить время на отношения.

Несколько парней давятся от смеха вместе с ним. Остальные сидят с отвисшими челюстями.

Джо окидывает взглядом группу.

– Что остальные думают по этому поводу?

Его взгляд останавливается на мне.

– Эйслин, скажи нам первое, что придет в голову.

И я выпаливаю:

– Уродец.

Господи, я и правда сказала это?

Вся группа смеется – кроме Шейна. Джо хлопает в ладоши, пока мы не утихнем.

Потом он говорит:

– Хорошо, Эйслин и Шейн, спасибо вам за откровенность. Кто-то еще хочет высказаться?

Хлоя поднимает руку. И, верная своему слову, она пускается в растянутое повествование о том, как сильно она любит Бейли, но чувствует, что ее не ценят по достоинству, ведь их родители посвящают ей так много энергии. Хотя я знаю, что она вешает ему лапшу на уши, ее рассказ оказывается увлекательным. Взгляды всех присутствующих прикованы к ней. Она продолжает трепать языком, пока не наступает время перейти в танцевальный зал для следующего мероприятия.

Когда все толпой пробираются к выходу, Хлоя дожидается меня и говорит:

– Сработало довольно неплохо, правда?

– Ага, великолепно.

Но все, о чем я могу думать – это лекарство, которое распространяется по моему организму, атакуя невинные клетки и творя неизвестно что. Было ли оскорбительное высказывание в адрес Шейна первой весточкой изменений в моем характере? Что, если в будущем я не смогу контролировать порывы эмоций? Может, быть экстравертом – это и значит не уметь контролировать свои импульсы. Никогда не думала об этом в таком духе. Но если из-за «харизмы» я уже начала действовать настолько наперекор собственному характеру, на что еще я окажусь способна?

Шесть

В танцевальном зале я снова встречаю Сэмми. Он сонно щурится, но выглядит не таким раскрасневшимся, как раньше.

– Врач дал мне ингалятор. Ничего серьезного.

Мама обнимает его за плечи.

– Нам нужно идти.

Сэмми не спорит, и одного этого мне достаточно, чтобы понять, как ему нехорошо.

На прощание мы машем руками сотрудникам «Nova Genetics» и другим семьям. Я осматриваюсь в поисках доктора Стернфилд. Ни малейшего намека на ее присутствие. Наверное, ищет, кого еще привлечь к своему секретному мини-исследованию. Я знаю достаточно о научно-исследовательских испытаниях, хоть подпольных, хоть нет, чтобы понимать, что выборки из одного человека не хватит.

Прогулочным шагом мы выходим навстречу солнечному дню – и протестующим. Они размахивают своими плакатами, крича: «С природой шутки плохи!»

Усиленная охрана следит за тем, чтобы мы могли добраться до нашей машины. Но меня бесит, что «Nova Genetics» не предложила нам воспользоваться их VIP-парковкой, находящейся внутри ограждения. Она почти пуста, на ней виднеется только темный седан, из которого как раз выходят мужчина и женщина, оба в военной форме.

Заметив военных, демонстранты раздражаются бредовыми воплями, обвиняя генетиков в создании «суперсолдат». Сэмми выглядит напуганным, и мама крепко обнимает его, когда мы спешим прочь. Я с отвращением разглядываю протестующих. В мире столько нерешенных проблем, а они тратят свою энергию на борьбу с медицинскими исследованиями, которые помогут огромному числу людей.

Внезапно из толпы выступает женщина с безумными глазами и показывает на меня.

– Я ее знаю. Она была здесь в пятницу.

В одно мгновение все взгляды обращаются на меня. Я дергаю плечами от омерзения. Я узнаю ту женщину с прической Клеопатры и луковым дыханием. Она направляет на меня телефон.

Я поеживаюсь от страха и отвращения.

– Что ты делаешь?

Она раздражается гогочущим смехом и направляет камеру телефона на меня:

– Даю тебе попробовать на вкус твое собственное лекарство.

Я опускаю голову в растерянности, и тут вспоминаю, как доктор Стернфилд записала протестующих на видео. Кому они будут показывать мое видео? Со мной, человеком, который уже был генетически изменен – ну, я надеюсь, что был.

Мы в спешке забираемся в машину и уезжаем прочь. На первом светофоре мама вставляет в плеер один из своих дисков с «Pearl Jam»[5 - Американская рок-

группа, популярная в начале девяностых; играла музыку в стиле гранж.] и пытается поднять настроение, предлагая Сэмми подпевать песне о слетевшем с катушек подростке. И то ли я сама немного схожу с ума, то ли генная терапия уже понемногу ослабляет барьеры в моей голове, но я, даже не задумываясь, присоединяюсь к ним.

Глаза Сэмми расширяются от удивления, а мама бросает на меня потрясенные взгляды. Ей приходится резко вывернуть руль, чтобы не налететь на оленя.

Не переставая петь, я пишу сообщение Эви, чтобы выудить из нее что-нибудь еще о Джеке. Он что, и правда скучал по мне на вечеринке? А как насчет того, что он смеялся вместе с Александрой? Эви пишет. ОН ТОБОЙ ИНТЕРЕСУЕТСЯ, УЛАВЛИВАЕШЬ? НЕКОТОРЫЕ НАХОДЯТ СТРАННЫХ СТЕСНИТЕЛЬНЫХ ДЕВОЧЕК ВЕСЬМА ЗАБАВНЫМИ!

Не то что бы она, или кто-то еще, продемонстрировал такое отношение вчера вечером. Я умираю от желания рассказать ей об эксперименте доктора Стернфилд, но это приведет ее в ужас, хотя пугаться, собственно, уже поздно. К тому же, я поклялась хранить тайну. Желание довериться кому-то все же лежит тяжелым грузом на моем сердце. Прямо-таки невыносимое побуждение с кем-то пообщаться кажется новым. Хотя обычно я рассказываю Эви все, я делаю это, потому что хочу, а не потому, что должна.

Мы возвращаемся домой, уставшие, но довольные. Я на цыпочках поднимаюсь в свою комнату, воображая, будто «харизма» течет по моему телу: как запах гардении разносится по тропическому острову, лаская все, что встречает на пути. Все мои маленькие гены наконец получают перенастройку, в которой так нуждались. Аххх. Этой ночью мне впервые, насколько я помню, удастся уснуть с волнующей мыслью о том, что принесет завтрашний день. Может, это лекарство лучше было назвать «оптимизм».

Следующим утром, как только я поднимаюсь на ноги, мой висок пронзает острая боль. Я опираюсь на стол, потирая висок. Слава богу, боль исчезает так же быстро, как и появилась. Доктор Стернфилд не упоминала побочные эффекты, так что это, наверное, из-за вчерашнего возбуждения.

Выйдя в Сеть, я кликаю на выложенное Хлоей видео – с вечеринки, на которой она была прошлой ночью, после того, как вернулась из «Nova Genetics». Я

моргаю, потом моргаю еще раз, я точно правильно прочитала? Где она берет столько энергии? В воскресенье вечером?

Камера нетвердо следит за тем, как Хлоя выходит на сцену перед толпой ребят из колледжа. Грохочущее техно замолкает, когда она произносит короткую речь о том, что Пьюджет-Саунду для нормальной жизни нужно еще больше велосипедов. Камера снимает панораму зала, запечатлевая восхищенные возгласы и вопли одобрения. Вот как? Хлоя всегда была звездой сцены, но я никогда не догадывалась, что у нее есть такой талант к публичным выступлениям.

Сэмми вваливается в мою комнату и прыгает к столу:

– Ух ты, Хлоя стала настоящей кинозвездой.

– Точно подмечено.

Я добавляю «Круто!» к шестидесяти другим комментариям под ее видео, хотя я не садилась на велосипед уже год.

Напевая себе под нос, я ем овсянку вместе с Сэмми, собираюсь на работу и еду к бассейну. Может, «харизма» сделает мой день терпимым или даже веселым? Я отрабатываю свою смену, ожидая внезапного побуждения совершить какую-нибудь крайность, например прилюдно запеть, но часы проходят один за другим, и меня вовсе не тянет на демонстративные выходки. А дети на уроке плавания, когда мы во что-нибудь играем, постоянно просят в команду другого учителя. Мой рабочий день проходит как более уравновешенная версия субботней смены. О да, если эффект от «харизмы» сведется к тому, что со мной будет происходить поменьше плохого, это уже достижение. Я ухожу с работы, испытывая в основном чувство облегчения.

После работы я решаю начать читать «Цветы для Элджернона» из списка литературы на лето. Спустя пятьдесят страниц я откладываю книгу в сторону и подхожу к зеркалу, чтобы рассмотреть свое лицо. Если я стану экстравертом, я ведь и выглядеть начну иначе, верно? Но на меня в ответ смотрят все те же настороженные серые глаза. Я пробую изобразить несколько улыбок, чтобы проверить, не стали ли они более дружелюбными, но я выгляжу скорее ненормальной, чем притягательной.

От продолжения осмотра меня отвлекает внезапный дверной звонок.

Спускаюсь вниз. Эви врывается в дом и многозначительно смотрит в сторону моей комнаты.

Мы взбегаем по лестнице – туда, где мама нас не услышит. Усевшись на мою кровать, Эви хмуро осматривает меня.

– Ну что, как у тебя дела?

На мгновение мне кажется, что она в курсе про «харизму», но потом до меня доходит, что последний раз она меня видела, когда я насквозь промокла, сбежав из дома Дрю, будто помешанная. Я отмахиваюсь от ее критического взгляда.

– Забудь. Это пиво во всем виновато. А теперь расскажи мне про Рэйфа.

Она рассматривает меня еще мгновение, а потом, видимо, удовлетворенная тем, что не находит никаких признаков давешней истерики, она, задышавшись от восторга, описывает, как они с Рэйфом встретились после вечеринки, а потом еще раз – прошлым вечером, и как они проведут время вместе завтра.

Я хлопаю в ладоши совершенно искренне.

– Фантастика!

Она наклоняется назад, закинув руки за голову, и свешивается с кровати.

– Кажется, будто это заняло бесконечно долго, а теперь бум! бум! бум! три раза за пять дней. Что, если он устанет от меня?

Я пинаю ее ногу.

– Ой, не говори так. Чем больше он будет узнавать тебя, тем сильнее он захочет быть с тобой.

Дрожа, она вытягивает руки и обхватывает себя.

– Последний школьный год может быть таким восхитительным. – Тут она запинается. – Если бы только вы с Джеком...

– Ага, я знаю.

– Все еще есть шанс, Эйз. Ты ему очень, очень нравишься. Я же вижу. Но ты должна дать ему понять, что чувствуешь то же самое. Больше нельзя убегать. Я знаю, что это нелегко.

Она стискивает кулаки и несколько раз пихает одеяло.

– Мы обе можем устроить себе выпускной год, о котором могли только мечтать.

Сказав это, она смотрит на меня с печалью, будто предвидит, что меня ждет не такой уж восхитительный выпускной год. Год, когда она будет двигаться все дальше к новому опыту, а я останусь позади. Но этого может и не случиться после тех перемен, которые произошли вчера. Как я могу не поделиться такими невероятными новостями? Не думаю, что Эви побежит доносить на меня в FDA[6 – Управление по надзору за качеством лекарств и пищевых продуктов в США. В числе его обязанностей – допуск новых лекарств к продаже.].

Но я молчу.

Она издает громкий и долгий вздох.

– А я была так уверена, что экспозиционная терапия – подходящее решение. У некоторых пациентов после нее и правда результаты сканирования мозга менялись.

– Эй, ты что, поставила на мне крест? Я-то ведь не сдаюсь.

Она поворачивается набок и опирается на локоть.

– Я никогда не поставлю на тебе крест. Я просто не знаю, что еще попробовать.

Ее голос срывается.

Я сажусь на кровать рядом с ней.

– Ты же такая изобретательная. Я уверена, что ты придумаешь какой-нибудь другой способ терапии, который не потребует от меня снова идти на вечеринку. Пока я не буду готова, по крайней мере. Но может я могу попробовать что-то масштабом поменьше. Совсем-совсем крошечное.

– Уверена? Есть множество вещей попроще вечеринок, ты ведь знаешь.

– Например?

Она осматривает комнату и ее взгляд останавливается на моем телефоне.

– Как насчет того, что бы написать сообщение Джеку? Вы же болтали в Интернете раньше.

– О материалах для «Всякой мороси». И он всегда писал первым.

– Именно. – Она приподнимается и хватает мой телефон. – В этот единственный раз пусть первой будешь ты. Вернись в седло прежде чем решишь, что на земле лучше.

Она вертит телефон в руках.

Она и понятия не имеет, что я оседлала совершенно новое животное, хотя и еще не вполне поняла, как на нем ездить.

– Я не знаю. Что я ему скажу?

– Как насчет «Привет»?

Мой пульс ускоряется.

– Так просто? Привет? Типа «Привет, Джек, это Эйслин, которая от тебя никак не отстанет»?

Она хлопается обратно на кровать и цокает языком.

– Не стоит мыслить так негативно. Он с ума сойдет, когда получит твое сообщение.

Она театрально вздыхает.

– Придя на вечеринку, он сразу начал искать тебя, а потом ушел, когда обнаружил, что тебя нет.

– Ну и?

– Похоже, отличники не такие уж умные. Лови намек.

Она хватается меня за руку и впихивает в нее телефон.

В ее словах есть резон, но от этого мысль о том, чтобы написать Джеку, не становится легче. Но и совершенно невозможной она не кажется. Просто сообщение, верно? Одно маленькое сообщение.

Я нервно сглатываю слюну и пишу: «ПРИВЕТ». Мой палец замирает над кнопкой «ОТПРАВИТЬ».

Эви наклоняется поближе.

– На старт, внимание, марш!

Я делаю глубокий вдох и ударяю по кнопке. Эви выпучивает глаза от удивления. Волна тревоги тут же поднимается в моей груди. Вот черт, что я только что наделала? Джек решит, что я в отчаянии. Он решит, что я странная. Он решит...

«И ТЕБЕ ПРИВЕТ!»

Я едва не роняю телефон.

– О боже, он ответил через десять секунд!

Она подпрыгивает на кровати.

– Скорее, через пять. Так что ты собираешься писать в ответ?

– Писать в ответ?

Она говорит очень медленно и четко.

– Да, настал подходящий момент, чтобы спросить у него что-нибудь посложнее. Например, какие у него планы. Давай, ты отлично справляешься.

Ладно, я официально признаю, что когда мне приходится выслушивать советы по поводу легкой беседы в чате – это выглядит жалко. Не размышляя, чтобы не успеть передумать, я пишу ему.

Пару секунд спустя:

«ЖДУ ЗИКА ЧТОБЫ ПОЙТИ В СКЕЙТПАРК. КАК ТЫ ПРОВЕЛА ВЫХОДНЫЕ?»

«ВЧЕРА ВЫКАПЫВАЛА ГУИДАКОВ». Хммм, это не похоже на желание продолжить разговор – скорее, как желание сознательно лишиться себя любых шансов на личную жизнь. Гуидаки? Seriously?

«НЯМ-НЯМ. ЗАВИДУЮ. А СЕЙЧАС?»

«БОЛТАЮ С ЭВИ. МЕЧТАЮ О ПИАЛЕ С МОРОЖЕНЫМ». Ладно, сказано неубедительно и наобум, но лучше, чем предыдущее сообщение.

«КАК НАСЧЕТ ЗАВТРА?»

Уй. Я чувствую тяжесть в груди, а мое сознание кричит: «Беги!» Но я продолжаю писать:

«Я МОГУ ЕСТЬ МОРОЖЕНОЕ В ЛЮБОЙ ДЕНЬ.»

«СО МНОЙ?»

С ним, на нем, как ему будет угодно. АГА.

«ОТЛИЧНО!»

Поверить не могу. Мы действительно собираемся встретиться. Эви не удается прогнать с лица самодовольное выражение, впрочем, она и не пытается. Но я ее прощаю. Как и она, я уверена, простит меня за то, что я воспользовалась «харизмой». Когда я ей скажу. Когда-нибудь.

Договорившись встретиться с Джеком после работы, я откладываю телефон и пронзительно визжу.

Эви спрыгивает с кровати.

– Это же вообще невероятно! – Она потирает руки. – Ладно, время выбрать идеальный наряд. – Она открывает мой шкаф.

Я сижу на кровати, ошеломленная случившимся. Тем, что может случиться завтра вечером. А вдруг то, что сделало меня достаточно смелой, чтобы написать сообщение, не так уж помогает при встречах лицом к лицу?

Эви вытаскивает из шкафа черные короткие штаны.

– Время очищения. Не против, если я отложу это к тем вещам, которые мы отдадим на благотворительность?

– Конечно.

Ладно, просто дыши. Попытайся вычислить, в какие мысли погрузилась бы перед свиданием нормальная девушка. Ага, макияж, вот что. Я тихонько подхожу к зеркалу, чтобы поэкспериментировать с тенями для глаз, которыми пользуюсь нечасто, а Эви тем временем переворачивает вверх дном мой гардероб.

Отложив на мою кровать несколько подходящих комплектов одежды и собрав куда большую кучу того, что лучше отдать, она подходит ко мне, так что мы обе

рассматриваем наши отражения.

– В тебе явно что-то изменилось.

– Может, отблеск страсти. Или вот эти дымчато-синие тени.

Она косится на меня.

– Это нечто большее. Ты кажешься, ну, будто бы более живой, так и искришься. Даже твой голос звучит иначе, как-то хрипло.

Я громко ворчу на два тона ниже обычного:

– Я из-за тебя смущаюсь.

Она окунает кончик пальца в тени и втирает немного в каждое веко.

– Может, уверенность, которую ты приобретаешь в результате экспозиционной терапии, проявляется и в том, как ты выглядишь.

А может, дело в генной терапии. Я глубоко вдыхаю, чтобы желудок прекратил трепыхаться.

Мы продолжаем сортировать одежду, а я тем временем размышляю о переписке с Джеком. Может, это не имеет никакого отношения к «харизме». Все это можно объяснить и тем, что я действительно к нему равнодушна. Точно так же светилась Хлоя из-за своего нового парня. Влюбившись в кого-то, человек может радикально измениться. Именно об этом поют во всех песнях.

Нам уже пора ложиться спать, когда мы с Эви наконец достигаем согласия по каждому сочетанию предметов одежды, подходящему для «новой меня». Мы как раз обсуждаем вопрос о лаке для ногтей, когда мой телефон вибрирует. Это оказывается рассылка от Хлои: СМОТРИТЕ ТРАНСЛЯЦИЮ НОВОСТЕЙ КАНАЛА KVLV! БУДЕТ ДАЖЕ ПОЛУЧШЕ ТОЙ ВЕЧЕРИНКИ!

Я показываю сообщение Эви. Она хмурится.

– И всё? Ни намека, о чем речь?

Я закатываю глаза.

– Она считает, что если она скажет другим посмотреть, все посмотрят.

Эви открывает флакончик лака для ногтей «Scarlett Secrets» и начинает подкрашивать им ноготь на мизинце.

– Не хочешь попробовать?

– Не-а, – я показываю на лак. – Хм, даже я знаю, что этот оттенок красного подходит только для пальцев на ногах, если только ты не живешь в Джерси.

Прежде чем она успевает возразить, мой телефон жужжит снова. Это Хлоя. ВЫ НЕ ПОЖАЛЕЕТЕ.

Рассмеявшись, я включаю компьютер.

– Ну ладно, теперь у меня проснулось любопытство.

Эви красит ногти, а я тем временем нахожу сайт. На первом плане видео с Хлоей. Я усаживаюсь на кровать с ноутбуком так, чтобы и Эви все было видно. Хлоя оказалась в числе случайных прохожих, у которых брали интервью насчет местного музыкального фестиваля. На одном дыхании она дает подробнейший отчет. После чего репортер просит ее прийти завтра.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Футуристическая башня, одна из главных достопримечательностей Сиэтла.

2

Экспозиционная терапия, или терапия подвергания – способ лечения фобий, при котором человек в контролируемой обстановке взаимодействует с тем, что вызывает у него страх.

3

Предпоследний год обучения в американских школах.

4

Популярная в США марка кукурузных хлопьев.

5

Американская рок-группа, популярная в начале девяностых; играла музыку в стиле гранж.

Управление по надзору за качеством лекарств и пищевых продуктов в США. В числе его обязанностей – допуск новых лекарств к продаже.

Купить: https://telnovel.com/ru/rayan_dzhinn/harizma

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)